

16+

ОЛЬГА
ГРИБОВА

ОХОТНИК НА
ВАМПИРОВ.

ГЛУБИНА

Охотник на вампиров

Ольга Грибова

Охотник на вампиров. Глубина

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Грибова О.

Охотник на вампиров. Глубина / О. Грибова — «ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Охотник на вампиров)

Хорошо, когда два любящих сердца могут быть вместе. Но как наладить отношения охотнику и вампиру? Ведь их миры так разнятся. А вокруг тем временем происходят странные вещи. Кто-то собирает армию из полувампиров-полулюдей, клан вампиров угрожает жизни горожан. Чтобы увеличить свои силы и справиться с напастями, охотники принимают зелье из крови вампира. Но вместо ожидаемой победы оно приносит им лишь новые неприятности. Удастся ли героям побороть собственных демонов, или тьма окончательно поглотит их?

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Молох	7
Глава 2. Спокойны ночи, малыши	12
Глава 4. Ночная прогулка	21
Глава 5. Позволь мне остаться	25
Глава 6. Крылатые качели	30
Глава 7. Белые халаты	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ольга Грибова

Охотник на вампиров. Глубина

Нельзя касаться идиолов, их позолота остается на пальцах.

Г. Флобер «Госпожа Бовари»

Предисловие

Вы верите в существования инопланетян? А в вампиров? За первых поручиться не могу, но вот вампиры... О них я могу рассказывать часами, и большая часть историй будет основана на личном опыте. Меня с детства учили: вампиры – самое большое зло на этой планете. Охотники, к которым принадлежит и моя семья, вроде как санитары леса, они борются против разной нечисти. Иногда удачно, но чаще... Впрочем, речь не об этом.

Так уж сложилось, что моя девушка – вампир. И не спрашивайте, как охотник на нечистую силу докатился до такой жизни. Сам не в курсе. Главное, что мы счастливы вместе. Ну, или, по крайней мере, пытаемся быть таковыми. Конечно, не все идет гладко. Эмми в последнее время избегает меня. Она слишком много пережила, и ей нелегко вернуться к нормальной жизни.

А тут еще младший брат подкинул проблем. Вот задача: как образумить брата и при этом не причинить ему вреда? Вопрос, что называется, на миллион.

Глава 1. Молох

Слава Богу, сегодня полнолуние. Если бы не круглый блин луны, висящий высоко в небе, точно свалился бы на мостовую. Уличные фонари остались далеко внизу, их тусклый свет не достигал крыш. Ноги то и дело цеплялись за куски шифера и разного мелкого мусора, который здесь валялся в избытке, словно на днях прошел дождь из стройматериалов.

Не успел я набрать скорость, как крыша совершила очередную подлость – закончилась. В жизни бы не полез сюда по собственной воле. Но не я выбирал способ передвижения, а значит, не мне его и менять.

Перебираясь по карнизу на соседнее здание, невольно посмотрел вниз, и голова предательски закружилась. В попытке хоть как-то сохранить равновесие прижался к стене дома, мечтая слиться с ней воедино. Ощувив холодный кирпич спиной и, главное, затылком, понемногу успокоился. Будь у меня побольше времени, я окончательно пришел бы в себя, но тот, ради кого собственно и полез на эти крыши, вряд ли стал бы меня дожидаться. Я набрал в легкие воздуха, как пловец перед прыжком в глубину, отлепился от стены, и уже через пару невыносимо трудных минут мог похвастаться переходом на крышу соседнего здания. Стоило ногам коснуться безопасного участка, как я почувствовал, что напряжение покидает мышцы. Все-таки это развлечение не по мне.

– С ума сошел? – звенящий девичий шепот был полон негодования, и меня почти тут же силой затащили за ближайшую вентиляционную трубу. – Он же тебя засечет!

Я повернул голову к девушке, не особо рассчитывая увидеть что-то в такой темноте. Удивительно, но синие, как океан, глаза Амаранты отчетливо блестели во мраке. Может, в вампирах есть что-то и от кошек? Я давно заметил: присущая им грация чем-то напоминает движения этих млекопитающих. Надеюсь, демон не заметил ни этого блеска, ни моих неуклюжих пируэтов, иначе нам в жизни за ним не угнаться.

Я виновато посмотрел на Эмми и слегка приподнял в несмелой улыбке уголки губ, рассчитывая на прощение. Она беззвучно вздохнула в ответ. Насколько мог судить, лицо девушки выражало что-то среднее между «ты чуть все не испортил» и «я тоже тебя люблю». Этот результат меня вполне удовлетворил.

Шорох, идущий из-за соседней трубы, отвлек меня от дальнейших размышлений. Я вопросительно взглянул на Эмми, не смея произнести вопрос вслух. Не хватало только, чтобы меня услышали. Амаранта жестом дала понять, что демон находится именно там. Надолго ли? Вряд ли это конечный пункт его маршрута. Я оглянулся на оставшиеся позади крыши, еле сдерживаясь, чтобы не присвистнуть. Даже не верилось, что я проделал весь этот путь. Колени и ладони щипало от многочисленных ссадин, пару ощутимых синяков давали о себе знать. Не знаю, как долго еще смогу продолжать эту гонку. Оставалось надеяться, что демон тоже устал и не собирается снова скакать с крыши на крышу.

Пора признать: охота не задалась с самого первого дня. Начать хотя бы с того, что нам пришлось иметь дело с одним из наиболее сильных демонов – легионером Молоха. Легион Молоха особо неприятен, хотя, конечно, мы не испытываем теплых чувств ни к одному из них. Но эти твари отличаются невероятной жестокостью и к тому же специализируются на детях. Проще говоря, Молох с его армией демонов всегда и везде убивают и мучают только детей, за вычетом, разумеется, тех случаев, когда речь идет об охотниках; но ради нашего брата все твари делают исключения из привычного рациона.

Вот и сейчас в руках этой сволочи плакал и извивался трехлетний мальчуган, которого легионер выбрал себе на закуску. Он тащил малыша в свое логово, чтобы там, без свидетелей и лишней суеты, сделать с ним все, что взбредет в его демонический ум.

Как только отцу стало известно, что в этом городе объявился демон Молоха, мы тут же отправились сюда. Но все складывалось не лучшим образом. Во-первых, пока мы добирались, демон убил троих детей, во-вторых, он предпочитал нестандартные способы передвижения, что весьма затрудняло его поимку и, в-третьих, для его изгнания обратно в ад требовался настоящий маг, и это опять отложило смерть демона на несколько дней, стоивших жизни еще одному ребенку. Из-за этих неприятностей мы все были на взводе. Пусть нашей вины в случившемся нет, но сложно абстрагироваться от мыслей о четырех погибших малышах, которым не суждено вырасти.

Неподалеку что-то звякнуло. Вытянув шею, я осторожно выглянул из-за трубы. Свет от неоновой рекламы, расположенной на соседнем доме, отражался в непонятно откуда взявшихся осколках стекла. Казалось, крыша усеяна разноцветной звездной пылью. На фоне этого мерцающего сияния отчетливо выделялся человеческий силуэт. Невысокий мужчина с признаками раннего облысения держал на руках ребенка, крепко прижимая его к груди. Малыш настолько выбился из сил, что уже не мог плакать в полный голос. Он лишь едва различимо поскуливал, безжизненно свисая с рук демона.

Всей душой я рвался вперед, желая немедленно освободить ребенка. Но, увы, не в моих силах бороться со слугой Молоха. Судя по напряженной позе Эмми, ею владели примерно те же чувства, и она с трудом сдерживалась, чтобы не броситься на врага. Я слегка коснулся руки девушки, та вздрогнула от неожиданности, обернулась и посмотрела так, будто удивилась моему присутствию на крыше. Кажется, происходящее настолько захватило её, что она совсем позабыла обо мне. Я не стал заострять внимание на этом неприятном моменте, но отметил с болезненной скрупулезностью, что в последнее время такое поведение стало нормой. Эмми все чаще смотрела сквозь меня, словно я голограмма или привидение.

Девушка подала очередной знак. Она собиралась последовать за демоном, который как раз подошел к краю крыши, чтобы перелезть на следующее здание. Я кивнул в ответ и, дав ей немного форы, двинулся следом. В отличие от меня Эмми двигалась бесшумно и незаметно.

Бег с препятствиями возобновился. Не знаю, куда направлялся легионер Молоха, но он явно торопился. Скорость погони заметно возросла, и мне стало сложно поспевать за вампиром и демоном. Пришлось гнать изо всех сил. Никак нельзя упустить их из виду. По улицам города колесил «Мерседес», и от меня требовалось держать его пассажиров в курсе наших передвижений. Свет от фар машины периодически мелькал между домами. Рация в очередной раз затрещала, искаженный голос отца спросил, где мы находимся. В ответ я на бегу пробормотал что-то про поворот налево и поспешно отключился. Впереди ожидало новое испытание моих возможностей – двухметровых разрыв между крышами. Вроде расстояние влевое, но не когда до асфальта лететь минимум тридцать метров. Хорошо еще, что соседняя крыша ниже.

Даже на бегу мыслительный процесс не останавливался ни на секунду. У нас не было четкого плана, как и где проводить обряд изгнания, но это и не важно. Пусть демон только спустится на землю и хоть немного притормозит, а уж мы не дадим ему ускользнуть. Но для начала надо за ним проследить. Эта задача пала на худенькие плечи Амаранты, которая, несмотря на внешнюю слабость и хрупкость, являлась самой физически сильной и выносливой из нас. Как-никак, она вампир; помимо недостатков, связанных с необходимостью пить человеческую кровь, это дает и кучу преимуществ. Например, умение быстро бегать, далеко прыгать и ломать шеи одним движением руки. Согласитесь, весьма полезные навыки.

Сжав кулаки на удачу, я изо всех сил оттолкнулся ногами. Прыжок вышел неплохой. Прямо человек-птица. А вот приземление подкачало. Ударившись о край парапета, упал и кубарем прокатился по крыше. Все-таки рожденный ползать летать не может. Кое-как поднялся, на автомате отряхнул джинсы и огляделся вокруг. В шагах двадцати от меня Эмми одним ловким движением запрыгнула на высокий парапет (я невольно залюбовался маневром, мне самому пришлось бы карабкаться), но вместо того, чтобы пересечь разделяющую две

крыши пропасть, девушка неожиданно скрылась из поля зрения. Пару секунд понадобилось, чтобы сообразить: Амаранта спрыгнула на асфальт.

Подбежав к парапету, я перегнулся вниз и увидел Эмми в лучах фонаря. Она вскинула голову и посмотрела на меня. Демона поблизости не было, и девушка рискнула говорить вслух.

– Прыгай! – она махнула рукой, приглашая последовать её примеру.

Я оценил расстояние до земли, мысленно подсчитав высоту дома и возможную тяжесть увечий. Три этажа вполне достаточно, чтобы при падении сломать обе ноги, а то и позвоночник. Все-таки я обычный, пусть и физически натренированный, человек, и в отличие от вампира не способен на прыжки с такой высоты. Видимо, в моих глазах отразилось сомнение, потому что Эмми сочла необходимым добавить:

– Я тебя поймаю, – она заявила это с самым непосредственным видом, и у меня непроизвольно вырвалось:

– Ни за что!

Стоило только представить себе это, как все мое естество восстало против.

– Неужели это уязвит твое мужское самолюбие? – в вопросе звучала ничем не прикрытая насмешка. Я обиженно промолчал, ведь она была права. – Тогда счастливо оставаться, – так и не дождавшись ответа, Амаранта, козырнув, помчалась вслед за демоном.

Наш короткий разговор занял меньше минуты, и у Эмми были все шансы не отстать от слуги Молоха, а вот мне предстоял спуск по лестнице. И если я хотел догнать их, то стоило поторопиться.

Сбегая вниз по ступенькам, думал, как это непросто – встречаться с вампиром. В отношениях с девушками я привык играть роль защитника, с Эмми же все было иначе. Амаранта намного сильнее меня, и в случае нападения нечисти именно она служит щитом от опасности, а мне достается роль кисейной барышни. К такому трудно привыкнуть.

Оказавшись, наконец, на улице, устремился в том же направлении, в котором пару минут назад скрылась Амаранта. Из-за угла ближайшего дома донесся шум мотора, в котором без труда узнавался низкий рокот «Мерседеса». Отец считал эту машину чуть ли не вторым после него по значимости членом команды. Он щедро тратил на неё деньги и всячески оберегал от меня и брата, не без основания полагая, что близкий контакт с нами грозит мерсу гибелью.

Повернув за угол, я очутился во дворе, где уже собралась вся компания. Отец, среднего роста блондин с широкими плечами и неизменно строгим выражением лица, вышел из машины и стоял посреди детской площадки с винтовкой наперевес. За его спиной маячил мой младший брат, молодая копия папы. Единственная разница между ними заключалась в том, что Димка в отличие от отца обладает неиссякаемым запасом жизнерадостности, и даже сейчас на его губах блуждала улыбка. Готов поспорить, происходящее казалось ему забавным. Ксюша – юный маг, на которого мы возлагали большие надежды – судорожно листала маленькую книжечку заговоров в поисках заклинания против демона. Ей всего девятнадцать, как и брату, но она уже многое умеет по части магии. Без неё нам ни за что не изгнать легионера.

Эмми стояла ближе к демону, не позволяя ему сбежать, она даже успела принять облик вампира. Глаза девушки поменяли цвет на угольно-черный, почернели даже белки. Острые клыки, способные за долю секунды вспороть кожу, недвусмысленно прибавили в размере. Демон выглядел озадаченным. Он никак не мог взять в толк, что вампир делает в компании охотников, и как себя вести в связи с этими обстоятельствами.

Легионер, или, вернее, человек, в тело которого он вселился, казался обескураженным, но тянуть с изгнанием не стоило, ведь он в любую минуту мог прийти в себя и броситься на нас. Я как раз собрался поторопить остальных, но не успел и рта раскрыть, как Ксюша начала читать заклинание. Ветер, трепавший нам волосы, неожиданно стих. Воздух застыл, парализованный магией. Демон нервно дернулся, осознав грозящую опасность. Я перевел взгляд на ребенка, слишком уж притихшего в руках слуги Молоха. Если малыш и дышал, то поверх-

ностно. Похоже, демон придушил дитя в своих чересчур крепких объятиях. Это беспокоило, но пока вызволить ребенка было невозможно. Лишь бы мы не опоздали, твердил про себя, мысленно вторя словам заклинания.

Кажется, малыш родился под счастливой звездой. Ему несказанно повезло – демон решил, что пора и честь знать. Ведь для него реально запахло жареным.. Он отбросил ребенка в сторону и кинулся вперед. Основной удар приняла Эмми, и я невольно вздрогнул. До сих пор не могу привыкнуть к мысли, что Амаранте не так-то легко навредить. Сколь бы ни была велика сила вампира, лично мне Эмми кажется очень ранимой и слабой девушкой. Конечно, это впечатление обманчиво и идет в первую очередь от её внешности – Амаранта всего-навсего метр шестьдесят пять ростом, а на вид ей не больше шестнадцати лет. Прибавьте сюда по-детски шуплую фигуру, и вы получите образ хрупкого подростка, а не бесстрашного вампира.

Видимо, легионер тоже купился на внешнюю безобидность Амаранты, но его ждало разочарование. Девушка лихо увернулась от занесенного кулака, поднырнула под руку демона и очутилась за его спиной. Слуга Молоха пошатнулся от ответного удара; хотя он быстро пришел в себя, уже через пару мгновений стало ясно, что Эмми легионеру не одолеть. Так уж вышло, что в мире нечистой силы вампиры являются бесспорными лидерами, и даже демоны остерегаются лишней раз с ними связываться. Убедившись, что перевес на стороне девушки, я переключился на другие задачи. В первую очередь меня волновал ребенок, и спустя пару секунд я уже стоял у тела малыша. При первом осмотре показалось, что он не подает признаков жизни. Мне с трудом удалось трясущимися руками нащупать пульс на тонкой шее. Ребенок жив, и это главное. Я поспешил поднять мальчика с холодной земли. Кажется, при падении он ничего не повредил. Удача, что в тот момент он был без сознания. Мышцы расслабились, и обошлось без травм.

Заклинание между тем подходило к концу. Ксюшин голос охрип, став на пол-октавы ниже, но зато демон уже не представлял опасности. Он прекратил всякое сопротивление, и Амаранте больше не требовалось сдерживать его агрессивные порывы.

Слуга Молоха распростерся на асфальте. Дряблое тело билось в конвульсиях. Легионер неохотно покидал несчастного мужчину. Не желая возвращаться назад в преисподнюю, он отчаянно цеплялся за этот мир. К сожалению, убить демона невозможно. Как ни старайся, максимум, на что мы способны – прогнать его обратно в ад. Зато человеку – его недобровольному носителю – это дает неплохой шанс вернуться назад свое тело. Правда, не в нашем случае. Ведь демон, пользуясь телом жертвы, совершал такое, что не под силу обычному смертному. Думаю, бедняга умер сразу после прыжка с крыши. В подтверждение этих неутешительных мыслей слуга Молоха окончательно оставил тело мужчины, и тот, издав предсмертный хрип, замолчал навсегда.

– Как он? – я не успел заметить, как Эмми оказалось возле меня. Голос девушки звучал приглушенно из-за клыков, которые еще не успели уменьшиться до нормальных размеров, но глаза, обращенные на ребенка, уже начали принимать естественный цвет.

– Вроде дышит, – неуверенно прошептал я.

Подтянулись остальные. Мы дружно склонились над ребенком и пристально разглядывали его, словно внимание способно было вернуть малыша к жизни. Как ни странно, мальчик и вправду задышал ровнее, будто понял, что опасность миновала.

– Пора ехать, – отец коснулся моего плеча, жестом призывая следовать за ним к машине.

Мешкать было нельзя. Окрестные собаки, взбудораженные силой заклинания, подняли лай. Кое-где в квартирах зажегся свет; вот-вот на улицу выйдут любопытные, посмотреть, что случилось. И увидят нас с ребенком на руках и еще теплый труп.

Мы поспешили вслед за папой. Проходя мимо останков человека, который имел несчастье оказаться вместилищем демона, все отводили глаза. В какой-то степени мы были виноваты в его смерти, ведь наша работа – ограждать обычных людей от нечисти. Но невозможно было

спасти и мужчину, и ребенка одновременно. Пришлось сделать выбор в пользу малыша. Но, даже осознавая правильность этого поступка, я не мог отделаться от мысли, что вина за смерть человека лежит в том числе и на моих плечах. Ведь мы позволили ему умереть. Возможно, именно поэтому все так стыдливо прятали глаза, проходя мимо покойника.

Мы с трудом разместились в машине. Эмми и Ксюше пришлось тяжело, ведь девушки плохо ладили друг с другом, хотя до открытых стычек не доходило. Дима умышленно сел между ними, уменьшая вероятность конфликта. Неприятно признаваться, но причиной их раздоров был я. Ксюша испытывала ко мне не совсем дружески чувства и не раз пыталась добиться взаимности. Но я люблю Эмми, и даже когда мы с ней были в разлуке, не попался на эту удочку. Конечно, между девушками возникла взаимная неприязнь. И хотя Ксюша согласилась, что у нас с ней ничего, кроме дружбы, быть не может, она все еще искоса посматривала на Амаранту, и та в свою очередь не оставалась в долгу.

Малыш что-то простонал сквозь сон, я принялся его укачивать, и он снова затих. Мы ехали практически в абсолютной тишине, не считая редких всхлипов ребенка. Каждый думал о своем, на лицах явственно читалось чувство вины. Один лишь Димка блаженно улыбался и легонько поглаживал ствол винтовки. Он выглядел искренне довольным исходом охоты, и это немного задевало. Брат в последнее время все больше из оптимиста, для которого жизнь прекрасна в любом случае, превращался в черствого сухаря, которому нет дела до страданий других. Этот его новый взгляд на жизнь мне определенно не нравился.

Глава 2. Спокойны ночи, малыши

«Мерседес» остановился перед обшарпанным зданием гостиницы. Эмми опасливо покосилась на горизонт, где небо окрасилось в розовый, предвещая скорый рассвет. Она не стала дожидаться и первой скрылась в безопасной прохладе гостиничного холла. В пять часов утра потрепанная компания из четырех подростков во главе со взрослым мужчиной выглядела странно, и портье проводил нас долгим взглядом. Хорошо еще, что он не заметил ребенка – отец и Дима надежно укрыли малыша своими спинами от внимательных глаз служащего.

Не сговариваясь, мы отправились в отцовский номер. Предстояло многое обговорить, и в первую очередь – судьбу ребенка. Стоило двери номера захлопнуться за нашими спинами, как Амаранта очутилась рядом со мной. Но, увы, её больше волновал мальчик, нежели я.

Девушка склонилась над ребенком и попросила:

– Можно его подержать?

Я задержался с ответом лишь на долю секунды, но и этого оказалось достаточно, чтобы Эмми догадалась о причине замешательства. Она подняла взгляд от лица ребенка, но в её глазах не было ни обиды, ни укора, одна лишь грусть. Мне стало не по себе: сомневаться в дорогом тебе существе – что может быть хуже? Видимо, та часть сознания, что принадлежит охотнику и отвечает за безопасность, занимает ведущую позицию в моем внутреннем мире. Почему иначе, услышав просьбу Амаранты, я в первую очередь подумал, не навредит ли она малышу?

Стыдясь собственных мыслей, я поторопился отдать ребенка Эмми. То, с каким трепетом она приняла этот маленький комочек жизни, лучше любых слов убеждало, что малышу не грозит никакая опасность.

Амаранта прошла вглубь комнаты и устроилась в одном из кресел. Мальчик сладко дремал у неё на руках, лишь иногда вздрагивая во сне. После всего случившегося сон был ему просто необходим. Эта идиллическая картина – Эмми сидит, прижимая ребенка к груди – тронула мое сердце. На какую-то долю секунды подумалось, что это мог быть наш ребенок, но почти мгновенно сладкую иллюзию разрушило воспоминание о том, что вампиры по сути своей ходячие мертвецы, и все функции их организма давно приостановлены. Так что чего-чего, а детей у нас уж точно никогда не будет. Эта мысль неожиданно сильно огорчила меня.

– Что будем с ним делать? – Ксюша пристроилась за спиной Амаранты, внимательно разглядывая ребенка.

Обе девушки склонились над малышом в едином порыве нежности и любви. Эти чувства неожиданно объединили их, несмотря на то, что подругами они точно не были.

– Он чудо как хорош, правда? – произнесла Эмми с придыханием, обращаясь к Ксении. Голос девушки был пропитан восхищением.

Действительно, малыш со светло-каштановыми кудрями, курносой пуговкой носа и пухлыми губками был необычайно симпатичен. Впрочем, это свойство всех детей мира. Главное их задача в этом возрасте – вызывать умиление у взрослых. Не перестаю удивляться, как из таких чудесных мальчиков и девочек вырастают алкоголики, наркоманы, рецидивисты и убийцы (список можно продолжать почти бесконечно).

Ксюша что-то ответила Эмми, но я не стал вслушиваться; и так ясно, что девушки принялись увлеченно обсуждать достоинства мальчика. Мужской половине предстояло решить вопрос, заданный Ксенией минуту назад.

– Надеюсь, мы не собираемся брать его с собой? – с явным ужасом в голосе поинтересовался Дима. Не то чтобы он не любил детей, просто его любовь зависела от расстояния: чем оно больше, тем сильнее чувства. Брат ненавидел сложности, а дети – это всегда масса сложностей и проблем.

– Боюсь, мы не можем себе этого позволить.

Ответ папы успокоил Димку, да, впрочем, и меня тоже. И дело не в том, что я, как и брат, боюсь трудностей. Просто не хочется, чтобы мальчик повторил нашу судьбу и стал в будущем охотником. Гораздо лучше, в том числе для его безопасности, будет, если он вырастет в нормальной семье. В таком юном возрасте ребенок вряд ли запомнит сегодняшние события, а значит, у него есть шанс повзрослеть, не подозревая о существовании нечисти.

– Что тогда? – поинтересовался я у отца, не спуская глаз с девушек и ребенка.

– Оставим его в приюте, – тон папы был безапелляционным.

Эмми и Ксения мгновенно среагировали на его слова, одновременно вскинув головы и посмотрев на нас. Ксюша вступилась за мальчика:

– Это не самый лучший вариант. Я слышана про детские приюты. Там не очень-то здорово.

– Его родителей убил демон, с нами он остаться не может. Так что это единственный вариант, а хорош он или нет, уже неважно, – спокойно пояснил папа.

– Вдруг у мальчика где-нибудь есть родственники? Мы могли бы их разыскать, – предложила Амаранта.

Отец особенно печально посмотрел на нее, и сразу стало ясно: никого мы, конечно, искать не будем. У нас просто нет на это времени, слишком много дел требуют немедленного решения. И хотя судьба ребенка, несомненно, важна, но поставленные под угрозу жизни многих других людей намного превышают её ценность. Тем более что мальчик окажется в надежных руках государственной машины.

Эмми догадалась, что её предложение неосуществимо, и заметно поникла.

Больше мы на эту тему не спорили, но по настойчивой просьбе девушек решили оставить ребенка хотя бы до утра, тем более что в такое раннее время все приюты наверняка ещё закрыты. После завтрака девушки долго играли с мальчиком, и по всему этажу разносился счастливый детский смех. Наблюдая за их возней, я невольно заметил, что Эмми смотрит на Ксюшу с плохо скрываемой завистью. Ведь у Ксении когда-нибудь могут быть дети, а Амаранта навсегда лишена шанса стать матерью. Несмотря на свою внешность шестнадцатилетней девочки-подростка, Эмми уже достигла того возраста, когда женщины не на шутку задумываются над такими вопросами. На самом деле ей сорок три года. Конечно, по меркам вампиров она еще совсем ребенок, но для людей это основательный возраст.

Как ни странно, прощание с мальчиком прошло почти без слез. Правда, девушки отказались ехать в детский дом, видимо, не желая видеть условия, в которых ребенку предстоит расти. Но мы пообещали обязательно сказать заведующему детдомом, что у малыша, возможно, есть живые родственники. Отныне его судьба находилась в руках провидения.

Наверное, цинично таким вот образом складывать с себя ответственность, но был ли у нас другой выход? Уверен, мальчика ожидало гораздо более ужасное будущее, оставь мы его у себя. Судьба ребенка была бы навсегда сломана, в ней не осталось бы места ни для чего, кроме охоты. Никто не посмел взять на себя ответственность по превращению чужой жизни в сплошной кошмар. Порой, если хочешь кому-то добра, правильнее просто отпустить его.

Глава 3. Дно

Уже на следующий день после расставания с ребенком мы покинули город. Ксюша отправилась домой. Её матери требовалась помощь по бару, и та очень настаивала на приезде дочери. Здравый смысл подсказывал, что бар здесь ни при чем. Оксана прекрасно справлялась и в одиночку, скорее всего, она просто тревожилась за дочь. Вдова охотника как никто другой понимала, чем грозит наше общество юному светлому магу. Мы же без особой цели пустились в путь по дорогам необъятной Родины. За долгие годы скитаний мы привыкли, что нечисть каким-то непостижимым образом сама находит нас. Куда бы ни направились, там обязательно творилось что-то неладное. Лично я ставлю на то, что нечистая сила обитает повсюду, только

простые обыватели не способны её распознать, принимая её деятельность то за ужасное стечение обстоятельств, то за нелепые несчастные случаи.

– Куда едем? – без особого интереса поинтересовался Дима с заднего сидения машины.

Мерседес летел по автомагистрали со скоростью сто двадцать километров в час. Развалившись на переднем сиденье, я старался ни о чем особо не думать. Такому времяпровождению мешали постоянные вопросы Димы. Возможно, я бы не так сильно раздражался из-за его неумолкающей трескотни, если бы не уверенность, что брату на самом деле глубоко наплевать, куда и зачем мы направляемся.

Отец вздохнул и терпеливо ответил:

– Ты же знаешь, у нас нет пока никаких дел. Я подумал, что было бы неплохо немного отдохнуть.

– Тогда зачем надо было уезжать? – с патологической въедливостью задал следующий вопрос Димка. Он говорил о городе, где мы убили слугу Молоха и оставили малыша на попечение органов опеки.

На этот раз не выдержала Амаранта. Она сидела рядом с Димой и стойко молчала, но, похоже, и ей надоело его брюзжание.

– Потому что оставаться там было небезопасно, – ответила Эмми чарующим голосом вампира и тут же снова отвернулась к окну. Она была все еще не в настроении после прощания с ребенком.

Дима притих, но, как оказалось, ненадолго.

– Так куда же мы все-таки едем? – самым будничным голосом он повторил вопрос, который уже набил всем оскомину.

Мы с отцом переглянулись. В его глазах явственно читались те же чувства, что испытывал я сам. Стало ясно: он больше не собирается участвовать в разговоре; настал мой черед.

– Мы отъедем как можно дальше от Ростова и остановимся в первом же попавшемся городе.

– И кто его выберет? – не унимался брат.

– Ты! – ответили хором. И это больше походило на истерический выкрик.

Как ни странно, Димку этот ответ вполне удовлетворил, и он замолк. А мы, наконец, окунулись в долгожданную тишину. Я отвернулся к окну и принялся наблюдать за мелькавшим пейзажем. Все – и деревья, и редкие дома вдоль дороги – было подернуто густой дымкой, как если бы снаружи стоял туман, или сгущались сумерки. Но на самом деле за окном машины был обычный солнечный летний день.

«Мерседес» за последнее время претерпел некоторые изменения, вызванные необычным пополнением нашей команды. Речь, конечно, об Эмми. Пришлось считаться с её вампирской сущностью, основная проблема которой заключалась в непереносимости дневного света. Поэтому мерс обзавелся чрезмерно тонированными стеклами, а на случай особенно солнечного дня – и шторками. Это придало машине еще большую загадочность, так что отцу такие перемены пришлось по душе.

Мысли вернулись к сидевшей позади Амаранте. С тех пор, как удалось вернуть её, мы, как ни грустно это признавать, не стала ни на йоту ближе. Казалось, нас, как и прежде, разделяет огромное расстояние, и вовсе не в метафорическом смысле, а в самом прямом. Она всеми силами избегала меня. Уже около месяца мы были вместе, а нам так и не удалось поговорить, и даже просто остаться наедине было проблематично. Единственные вопросы, которые она с удовольствием обсуждала со мной, касались охоты.

Эта неопределенность в отношениях не давала покоя. Несмотря на то, что любимая девушка находилась рядом, каждый из нас был сам по себе. Эмми замкнулась и не допускала в свой мир даже меня. И я пришел к выводу, что слишком рано посчитал битву за её сердце

выигранной. Предстояло вернуть её доверие и доказать, что я достоин любви. Но как это сделать?

– Дно! – вдруг раздался голос Димы. Я даже подпрыгнул от неожиданности, так резко он прервал ход моих мыслей. – А что, мне нравится, звучит интригующе. Поехали туда, а?

Только теперь понял, что это было название населенного пункта, прочитанное Димой на придорожном указателе. Оно показалось, мягко говоря, странным, и если бы возможность выбора принадлежала мне, я предпочел бы проехать мимо. Но отец, не произнеся ни слова, выкрутил руль вправо, и мы съехали с основной трассы.

Мерседес плавно раскачивался на ухабах, как теплоход на волнах. Хорошо, что у него дорогая подвеска, гасящая все неровности дороги.

Дима что-то довольно напевал под нос, а я силился понять, чем его так привлек город Дно, название которого даже на слух казалось странным. В тот момент я и представить не мог, чем для нас, а первую очередь для Димки, обернется выбор именно этого населенного пункта. Не исключено, что брат обладает развитым шестым чувством, потому что среди сотни вариантов он ухитрился выбрать именно тот, что сулил нам массу «развлечений», которые он так любит.

Мы проехали мимо вывески с названием города, отмечавшей его начало, и я узнал, что население Дна насчитывает около десяти тысяч человек, а ближайший крупный город расположен более чем в сотне километров отсюда. Место было, что называется, веселеньким. И кому только взбрело в голову основать поселение посреди леса, вдали от остальной цивилизации? Сразу же представились запустение и тоска, которые непременно должны царить здесь. Учитывая, что брат ненавидел провинциальные города, а его сердце раз и навсегда отдано мегаполисам, я снова подивился такому выбору.

Но, как вскоре выяснилось, что, по крайней мере, в первой части своего представления о городе я немного ошибся. Его никак нельзя было назвать запущенным, это стало ясно, как только мы въехали в городские пределы. Чистые улочки, аккуратные газоны с ухоженными клумбами, свежеекрашенные дома сталинской эпохи, соседствовавшие с миленькими частными постройками. Все это придавало городу некий шарм старины, будто мы вернулись в прошлое лет на пятьдесят, и на дворе снова коммунистический режим.

А вот второе предположение было верным на все сто. Казалось, жизнь здесь замерла. Машины и пешеходы перемещались по городу подчеркнуто неторопливо. Даже отец, моментально попавший под влияние здешних улиц, сбросил скорость, и «Мерседес» теперь медленно полз вдоль тротуара.

Люди, попадавшиеся навстречу, не проявляли к нам никакого интереса, хотя я по опыту знал, что в таких маленьких городках, где все знают друг друга в лицо, приезд чужаков неизменно вызывает бурю любопытства. Но мы ни в коей мере не нарушили общей сонливости города. Если «Мерседес» и провожали редкими взглядами, то в них не было и толики той заинтересованности, которую я ожидал встретить.

– Странное какое-то место, – неуверенно пробормотал Дима.

– Ты сам его выбрал, помнишь? – я не удержался от того, чтобы поддеть брата, хоть и разделял его беспокойство.

– Я же не знал, что здесь живут какие-то вареные рыбины, – он фыркнул, давая понять, что не в ответе за горожан и их образ жизни.

Мне понравилось, как Дима назвал здешних аборигенов. Именно вареными рыбинами они и казались. С рассеянными, блуждающими взглядами, задумчивыми лицами и немного нервными движениями, они были похожи на людей, столкнувшихся с какой-то проблемой, причины возникновения которой никак не могли понять. Ссутуленные спины, опущенные головы, словно над каждым висел дамоклов меч, и они изо всех сил пытаются стать как можно менее заметными в надежде, что тот упадет на кого-нибудь другого.

– Здесь даже солнечный свет кажется приглушенным, – тихо прошептала Амаранта, которая все это время, не отрываясь, смотрела на город за окном машины.

– Все дело в тонированных стеклах, девочка. Тебе показалось, – ответил папа. В его голосе, как всегда, когда он обращался к Эмми, звучали ласковые отцовские нотки. Подозреваю, что он в свое время мечтал о дочери, и теперь девушка воплотила в жизнь его заветное желание.

Я уже был готов согласиться с папой, тем более что Амаранта не возразила против такого объяснения, но вовремя вспомнил: Эмми все-таки вампир, а они как никто другой осведомлены о нюансах солнечного света, пусть и видят его реже остальных. Поневоле станешь разбираться в том, что несет тебе неминуемую смерть. Я внимательнее присмотрелся к свету за окном, но не смог сделать никаких определенных выводов.

– Надо отыскать гостиницу, – спокойно заявил отец. Он был не из тех людей, которых можно выбить из колеи необычным освещением или угрюмыми лицами прохожих. Виктор Климентьев всегда твердо стоял на ногах, и такие мелочи его не пугали. Да и могла ли пара хмурых горожан встревожить охотника на нечистую силу, который не раз имел дело с оборотнями и вампирами?

– Мы что, планируем остаться? – пытаюсь поймать взгляд отца, Димка с тревогой посмотрел в зеркала заднего вида. Он, похоже, осознал всю поспешность своего решения и отчаянно желал оказаться подальше от города под названием Дно.

– Почему бы и нет? – равнодушно пожав плечами, ответил я за папу. Мне казалось нелепым пренебречь возможностью отдохнуть из-за каких-то смутных предчувствий и мрачной атмосферы. Последняя неделя порядком вымотала нас, да и дорога сказывалась, ноги затекли от долгого пребывания в машине, и я мечтал лишь о горячем душе и мягкой постели.

Мнения разделились. Нам с отцом было, в сущности, безразлично, где остановиться на ночлег, а Дима и Эмми были настроены против города, но так как последняя промолчала, мы благополучно достигли гостиницы и зарегистрировались.

Номера были вполне приличными. Как и весь город, они сияли чистотой и выглядели, как иллюстрации из журнала про хрущевские времена. Создавалось впечатление, что город не претерпел с тех пор никаких изменений. Я всегда спокойно относился к любителям прошлого и даже сам был не против поиграть в вечер воспоминаний, так что такая обстановка показалась мне очаровательной.

Как только мы с Эмми оказались в нашем номере, она застыла возле окна, и я понял, что она не скоро оторвется от созерцания улицы.

Чтобы Амаранта могла передвигаться по улице в дневное время, мы пользовались довольно нехитрым способом, к которому иногда прибегали вампиры. Смысл его заключался, конечно, в одежде, она не пропускала солнечные лучи, оберегая чувствительную кожу. Эмми носила черные джинсы, облегавшие стройные ноги как вторая кожа, и такой же темный плащ с длинными рукавами, скрывающими руки почти до самых кончиков пальцев. Ещё Амаранта на всякий случай надевала перчатки, а голову прикрывала капюшоном, надвигая его на самые глаза так, чтобы никто не мог рассмотреть ее лица.

– Не хочешь снять плащ? – предложил я, так как Эмми не торопилась раздеться. Меня раздражал этот наряд, он лишал возможности видеть выражения её лица и глубокие сапфировые глаза.

В ответ Амаранта только повела плечами, что, надо полагать, означало отказ. В отличие от людей Эмми не чувствовала ни жары, ни холода, так что подобный наряд, несмотря на теплый летний день, совершенно её не беспокоил. Но девушку тревожило что-то другое, и я должен был узнать, что именно.

– С тобой все в порядке? – спросил я, подходя ближе, но ответом была тишина. Я положил руку ей на плечо; от неожиданного прикосновения Амаранта вздрогнула и повернулась ко мне.

– Странное место, – пробормотала она как бы про себя. – Я бы хотела пройтись, – неожиданно добавила Эмми.

Такой поворот событий удивил. Обычно Амаранта предпочитала не выходить на улицу до заката, а своим защитным костюмом пользовалась только в случае крайней необходимости, при первой же возможности скрываясь в помещении. И вдруг она сама выразила желание прогуляться, да еще и в самый разгар дня. Часы как раз показывали половину второго – время, когда солнце особенно активно посылает свои лучи на землю. Но я не стал противиться, так как слышал по голосу, что она не отступит.

– Позволишь составить тебе компанию? – спросил я.

Могу поклясться, что она улыбнулась, хоть и не видел лица из-за капюшона.

– Конечно, – пропела Эмми своим потрясающим голосом, и я почувствовал себя вполне счастливым.

Наверное, я никогда не привыкну к тембру её голоса. Как любой вампир, Амаранта, помимо других атрибутов, помогающих завлечь жертву, обладает чудесным голосом неземного существа, и он не перестает поражать меня. До нашей встречи даже не подозревал, что в мире существуют такие ноты. Голос Эмми напоминает легкий ветерок, который, слегка касаясь щеки, уносит с собой все печали. Он переливается всеми красками мира и открывает перед вами такие глубины, о которых простые смертные не смеют и мечтать. Я влюблен в него не меньше, чем в саму Амаранту, и, всякий раз слыша её голос, поражаюсь, что такое сокровище принадлежит именно мне.

– Идем, – Амаранта поторопила меня, выводя из задумчивости.

Мы направились в близлежащий парк, расположенный прямо напротив гостиницы. Шли абсолютно молча, потому что Эмми погрузилась в какие-то только ей ведомые мысли. Я же, за неимением другого дела, принялся рассматривать окружающее.

В первую очередь обратил внимание на солнечный свет и сделал это намеренно, помня о словах Амаранты. Теперь, когда уже не мешало тонированное стекло, я тоже смог убедиться, что со светом что-то неладно. Это было странное и непонятное ощущение. Вроде яркое солнце, как и прежде, висело в самом центре небосвода, но при этом создавалось впечатление, что небо заволокли тучи, таким серым выглядело все вокруг. Даже разноцветные краски, которыми пестрели клумбы и скамейки в парке, выглядели потускневшими. Понимая умом, что это не соответствует действительности, я ничего не мог поделать со своими глазами, говорившими об обратном. Думаю, причина крылась в мрачном настроении окружающих. Именно недовольные жизнью лица прохожих делали мир вокруг смазанным и тусклым.

– Заметил? – спросила Эмми, наблюдавшая за тем, как внимательно я смотрю по сторонам.

– Действительно странно, – задумчиво кивнул я в ответ.

Помимо всего прочего, озадачивала реакция прохожих на Амаранту, а точнее, её полное отсутствие. И я, и Эмми уже привыкли, что люди, видя девушку, невольно удивляются тому, как она одета. Но здесь прохожие скользили по ней взглядом и просто шли дальше, как будто нет ничего необычного в том, чтобы носить плащ в тридцатидвухградусную жару.

– Они даже не смотрят на тебя, – удивленно произнес я.

– Мило, не правда ли? – усмехнулась Эмми. – Может, мне следует подумать о том, чтобы остаться здесь? Кажется, я совершенно не буду бросаться в глаза местным жителям, – с иронией добавила она.

– Они даже не заметят твоего присутствия, – поддакнул в тон.

– Чем же так заняты их мысли, что окружающее настолько их не интересует? – Эмми осмотрелась кругом, как если бы ожидала увидеть ответ где-то поблизости. И действительно, заметила что-то за деревьями и направилась туда.

Поспешно следуя за ней, я думал о её последних словах. Она высказала интересное предположение. Но чем можно так увлечься, чтобы не реагировать на происходящее вокруг? Вдруг мелькнула забавная мысль. Показалось, что если подойду к кому-нибудь из прохожих и задам вопрос (неважно какой), тот просто пройдет мимо, так и не заметив, что к нему кто-то обращался. Я решил немедленно проверить эту теорию, так велико было чувство нереальности окружающего.

Я выбрал мужчину лет сорока, который шел мне навстречу, и спросил первое, что пришло на ум:

– Не подскажите, который сейчас час?

Мужчина отреагировал не сразу, но, когда я уже был уверен, что он не обратит внимания на мой вопрос, тот остановился и часто заморгал, глядя прямо на меня. Подумав, что он не расслышал вопроса, собрался его повторить, но к моему удивлению, человек поднял руку, посмотрел на часы и произнес:

– Без четверти три, – он даже улыбнулся и вообще выглядел вполне дружелюбно и, что важно, совершенно нормально. Даже обыденно. – Вы недавно в нашем городе? – вежливо поинтересовался он.

– Да, мы туристы, здесь проездом на пару дней.

– Это ваша жена? – кивнув на Эмми, ушедшую вперед, спросил мужчина. Выходит, он заметил, что мы вместе, отметил я про себя. Ведь Эмми стояла в шагах двадцати от нас, и ничто не говорило о том, что она со мной.

– Да, – я не хотел вдаваться в подробности наших отношений.

– А дети? – неожиданно резко и даже нервно спросил прохожий.

– У нас их пока нет, – озадаченный таким поведением собеседника, на автомате ответил я.

– Тогда желаю вам приятно провести время в нашем городе, – самым искренним образом пожелал мужчина и направился дальше по своим делам.

Минуту я смотрел ему вслед, гадая о причинах такого странного опроса. Удивительное дело, кажется, наличие детей волновало прохожего в первую очередь, и в том, как он говорил на эту тему, сквозила некоторая истеричность.

– Влад! – окликнула меня из-за деревьев Эмми.

Я улыбнулся, подметив, что местные жители не до конца лишены человеческих эмоций: все находящиеся в радиусе нескольких метров от Амаранты обернулись, услышав её голос. В такие моменты я испытывал нечто похожее на гордость оттого, что моя девушка способна вызывать такое восхищение у совершенно посторонних людей. А именно это чувство читалось на обращенных к ней лицах.

– Будь осторожней, – шепотом напомнил я, когда мы снова поравнялись.

– Прости, забыла, – так же тихо ответила Эмми.

Взяв меня под руку, она опустила голову, пытаясь стать как можно менее заметной. Длинные иссиня-черные пряди волос выбились из-под капюшона и свисали ей на грудь. Одна из локонов приятно щекотал мою руку (на мне была футболка, так как в отличие от Эмми я чувствителен к погоде). А ведь мы уже очень давно не находились так близко друг к другу! Амаранта сторонилась меня, не подпуская к себе более чем на расстояние вытянутой руки, и это обстоятельство весьма беспокоило.

Пока в голове роились малоприятные мысли, парковая аллея закончилась, и мы попали на обширную поляну, на которой живописно расположилась детская площадка. Каких только качелей здесь не было! И горки всевозможных размеров и цветов, и песочницы, и русские качели, и еще много чего служило единственной цели – развлечению детей.

Признаюсь, взгляд не задержался на площадке дольше, чем на несколько секунд. Ничего интересного для себя я там не заметил, и хотел было продолжить нашу с Эмми прогулку, когда

понял: её это место заинтересовало гораздо сильнее. Девушка остановилась и пытливым взглядом рассматривала играющих детей. Я посчитал, что причина её интереса кроется в недавнем расставании с ребенком – Эмми неожиданно остро переживала разлуку с мальчиком. Поэтому решил, что будет лучше попытаться её отвлечь.

– Пойдем, Эмми, – я слегка потянул девушку за руку. – Уверен, здесь есть еще много любопытных мест.

Но Амаранта и не думала двигаться. Вместо этого она указала на дальний край площадки, на который я поначалу не обратил внимания.

– Тебе не кажется это странным? – задумчиво спросила девушка.

Я посмотрел в указанном направлении. Картина, которую увидел, озадачила меня не меньше, чем Амаранту. На детской площадке было полно детей (особенно младшего возраста). Они лепили куличики, катались на качелях, просто бегали туда-сюда по всей территории. Жизнь кипела, но только не на том участке, который я рассматривал в эту минуту. Там тоже находились дети, но они выглядели и вели себя совершенно иначе, и от этого создавалось впечатление, будто они отгорожены невидимой стеной от остальных сверстников. Другие малыши не подходили к ним, и они, похоже, в этом не нуждались.

На дальнем конце площадки царил порядок и покой. Все играющие там дети вели себя сдержанно, я бы даже сказал, чинно. Они не бегали, не суетились, их лица выглядели крайне сосредоточенными, а взгляды внимательными и настороженными. Между двумя частями площадки пролегла незримая черта, пересечь которую ни в одном, ни в другом направлении казалось невозможным. Эти две полные противоположности странно смотрелись в непосредственной близости друг от друга.

– У тебя есть предположения на этот счет? – поинтересовался я у Эмми, так как сам совершенно не понимал происходящего.

– Нет, – Амаранта, стоявшая до этого со слегка наклоненной вбок головой (так она делала, когда над чем-то задумывалась или просто внимательно наблюдала), неожиданно быстро направилась вперед.

Я не сразу понял, что она идет к одиноко сидящей в песочнице девочке, находившейся на «тихой стороне» (так про себя окрестил странную часть площадки). Я поспешил следом, беспокоясь, что родители, которых было в избытке на обеих сторонах, с подозрением отнесутся к девушке в странной одежде, разговаривающей с детьми.

Но Эмми беспрепятственно добралась до ребенка и присела на край песочницы. Девочка, заметив тень, упавшую на песок, подняла голову и с интересом посмотрела на Амаранту. Чтобы не спугнуть малышку – девочке на вид было не больше шести лет – я остановился поодаль, но со своего места видел песочницу и даже слышал весь разговор.

– Привет, – поздоровалась Эмми. Когда она разговаривала с детьми, её голос звучал особенно тепло, и я невольно улыбнулся.

Как ни странно, приветствие Амаранты не произвело на девочку никакого впечатления, та лишь еще больше нахмурилась. Несмотря на столь юный возраст, она казалась очень серьезным человечком. Даже две русые косички, заплетенные любящей рукой и призванные добавить её образу некоторую задорность, не могли сгладить неприятного ощущения.

– Что ты строишь? – поинтересовалась Амаранта, имея в виду непонятное сооружение из песка, высившееся перед малышкой.

– Камеру пыток, – более чем серьезно ответил ребенок.

Эмми замолчала, обдумывая необычный ответ, а я, приподнявшись на цыпочки, внимательно присмотрелся к песочному домику, несущему на себе такую странную функцию. Он хоть и был построен довольно коряво, но все же имел некоторые черты того заведения, о котором говорил ребенок. Например, теперь я точно знал, что стул из песка, возведенный в одной

из комнат домика, вовсе не обычная табуретка. В свете последней информации я бы скорее отнес его к электроприборам.

– И кого ты собираешься пытаться? – с некоторой опаской задала Эмми следующий вопрос.

– Своих врагов, – не дрогнула девочка.

Она снова вернулась к прерванному занятию. Бросалось в глаза, что её поистине увлекала эта работа. Малышка высунула кончик языка и закусила его от особого усердия. Я впервые видел, чтобы кто-то с таким невинным видом строил нечто подобное. И хотя это была всего-навсего детская игра, её глубинный смысл немного пугал.

– У тебя есть враги? – не унималась любознательная вампирша.

– Они есть у всех, – философски произнесла малышка, пожав плечами. – Вот ты, например, от кого прячешься? – девочку снова посмотрела на Амаранту. В её светло-голубых глазах отражалось нечто большее, нежели простое любопытство. Казалось, ребенок всерьез обдумывает возможность того, что Эмми может являться тем самым врагом.

– Я просто болею, – выкрутилась Амаранта, но, кажется, девочка не поверила.

– Когда я вырасту, – заявила юная партизанка с самым непосредственным видом, – я уничтожу всех своих врагов. Они будут купаться в собственной крови, – девочка самодовольно улыбнулась, как будто сказала что-то безумно хорошее и правильное.

Услышав такие слова, Эмми невольно отстранилась от ребенка. Кто вбил в эту маленькую головку такие странные идеи? Вот он, вред современного телевидения! Честно говоря, в тот момент я не придал особого значения лепету девочки, списав его на особенности развития психики.

Амаранта поднялась и направилась прочь от детской площадки, то и дело передергивая плечами, как будто её морозило. Я догнал ее и спросил:

– Все нормально?

– Со мной – да, но вот с девочкой что-то явно не так, – ответила она, продолжая ускорять шаг. – Я хочу вернуться в номер.

До гостиницы мы добрались за считанные минуты; Эмми почти бежала весь обратный путь. Подозреваю, что если бы не её боязнь привлечь внимание людей, она бы воспользовалась вампирским умением перемещаться с невероятной скоростью. В номере Амаранта замкнулась в себе, и до самого вечера мне не удалось вытянуть из неё ни слова. Лишь к приходу Димы она снова вернулась из мира своих мыслей, в который мне в последнее время хода не было.

Глава 4. Ночная прогулка

Я принял душ и развалился на кровати перед телевизором. Такое времяпровождение для меня нехарактерно, но раз уж никто не собирался со мной разговаривать, то почему бы и не посмотреть телик? Совершенно не хотелось забивать голову мыслями о работе. В конце концов, мало ли на этом свете странных девочек? Может, ребенок болен.

Решив для себя таким нехитрым способом загадку удивительного ребенка, я абсолютно успокоился. Но этого нельзя было сказать об Амаранте. Она сняла плащ, оставшись в джинсах и белой майке на тонких лямках, но все еще продолжала дежурить у окна. За последние два часа её поза нисколько не поменялась, и я знал, что Эмми может простоять так еще сколь угодно долго; как любой вампир, она не тяготилась абсолютной неподвижностью.

Отвлекать девушку от созерцания одного ей известного объекта было бессмысленно, и я погрузился в выдуманный мир телевидения. История приключений Индианы Джонса – одна из моих любимых – надолго оторвала меня от реального мира.

Как только на экране замелькали титры, раздался стук в дверь. Не дождавись приглашения, гость повернул ручку. Так поступить мог только Дима, и я совсем не удивился, увидев его на пороге.

– Привет, – брат махнул рукой. – Я заходил к вам днем. Вы что, гуляли?

Без лишних объяснений было очевидно, что именно его заинтересовало. Ведь Эмми не являлась поклонницей дневных прогулок, и сам по себе факт нашего сегодняшнего променада был чем-то вроде феномена.

– Да, прошлись немного, – ответил я, всем своим видом и голосом подчеркивая, что ничего из ряда вон выходящего не случилось.

Димка хмыкнул в ответ, но тут его взгляд упал на Эмми, которая даже не посчитала нужным отвернуться от окна, чтобы поздороваться.

– Давно это с ней? – брат кивнул в сторону Амаранты.

– С тех пор, как мы вернулись.

– Ты пробовал с ней поговорить?

– Раза три, – сознался я, – но потом бросил. Этот город странно на неё влияет.

– Он не влияет, – услышали мы голос Эмми. Она произнесла это, не оборачиваясь, и я невольно вздрогнул, так как мне уже стало казаться, что её вообще нет в комнате.

– Конечно, не влияет, – охотно согласился Дима, желая поддеть её. – Ты всегда была странной. И дело совсем не в городе.

Я уже собрался вступить за Амаранту, но слова брата заставили девушку отвлечься от наблюдений, поэтому я лишь поблагодарил Диму кивком головы. Он в ответ сделал знак, который, по-видимому, должен был значить нечто вроде «всегда пожалуйста».

– Я просто пытаюсь понять, что с этим местом не так, – с негодованием посмотрев на Диму, пояснила Эмми, скрестив руки на груди.

– И как успехи? – вежливо спросил брат, жуя найденное им на тумбочке печенье.

– Пока не очень, – понуро созналась Эмми.

– А разве с городом что-то не в порядке? – я решил вмешаться в разговор.

– Вот-вот, – продолжая набивать рот, поддержал Димка.

– Это же очевидно! – с жаром воскликнула Амаранта. – Вам не кажется необычным, что все люди тут какие-то заторможенные, а про детей так вообще говорить страшно, – она многозначительно посмотрела на меня, намекая на девочку в песочнице.

– Люди как люди, – отмахнулся Димка. – Не забивай голову ерундой. Мы здесь, чтобы отдохнуть, не так ли? – прищурившись, спроси он и, получив утвердительный ответ, обрадо-

вался еще больше, даже забыв о печенье. – Тогда пошли! Приглашаю всех на прогулку по ночному городу.

Я думал, что Эмми станет возражать, но она на удивление быстро согласилась. Единственное, о чем девушка попросила нас – это подождать её на улице. Она хотела переодеться.

Эмми было тяжело ходить все время в плаще и джинсах, ведь она предпочитала короткие, не сковывающие движения платья. Для вампира они гораздо удобнее, так как в такой одежде легче угнаться за жертвой. Правда, Амаранта всегда подчеркивала, что ей просто нравится такие наряды, и охота тут совершенно ни при чем. Мы делали вид, что верим.

Амаранта присоединилась к нам минут через пять. Джинсы и футболку она сменила на легкое платье, еле прикрывающее стройные ноги, и оно, конечно же, было её любимого цвета – белое. К слову, Эмми вышла босиком, видимо, предположив, что в такую жару это ни у кого не вызовет подозрений. Часть волос девушка заколола назад, соорудив одну из замысловатых причесок, плести которые умела только она. Но основная масса волос черным каскадом спускалась ей на спину.

У меня перехватило дыхание, так прекрасно выглядела Амаранта. Как всегда в такие моменты, я почувствовал, как мне несказанного повезло, что такая девушка выбрала меня.

– Ну, что, парни, пошли? – Эмми очаровательно улыбнулась, и мы с Димой, не стовариваясь, вздохнули.

– Прошу, – Димка нашелся первым и подставил ей локоть.

Эмми, одарив брата еще одной очаровательной улыбкой, воспользовалась предложением и взяла его под руку. Это не могло не разозлить меня, ведь если бы на месте Димы был я, она бы проигнорировала мой жест.

– Отец с нами не пойдет? – раздраженно спросил я.

– Нет, он решил выспаться, – ответил Дима, игнорируя мой тон.

Амаранта виновато оглянулась на меня, но ничего не стала менять. Так мы и отправились на прогулку: Дима вел под руку мою девушку, а я как какой-нибудь ненужный придаток плелся за ними следом. Возможно, я бы не обратил на это внимания, но так в последнее время было всегда – Амаранта всеми мыслимыми способами старалась держаться от меня подальше.

– Что-то здесь немногочленно, – протянул Димка.

Услышав его слова, я окинул взглядом улицу и удивился, *насколько* здесь не многолюдно. Мы были единственными пешехода в этой части города. Не считая редких машин, хозяева которых явно торопились попасть домой, больше никого не было видно.

– Где все жители? – пробормотала Эмми. – Сегодня, вроде как, пятница, а завтра выходной, – пропела она строчку из старой попсовой песенки.

– Может, местные предпочитают тихие семейные радости прогулкам по ночным барам? – предположил я, сам не веря в правдивость своих слов.

– Сразу все? – резонно усомнился брат.

Последняя машина свернула за угол, и мгновенно стало тихо, как на поминках в минуту молчания. Признаюсь, все это немного напрягало. Мне еще ни разу в жизни не доводилось видеть абсолютно пустого города. Конечно, по ночам жизнь более ли менее замирала даже в больших городах, но чтобы вообще никого не было на улице – это нонсенс! Всегда можно услышать болтовню подвыпивших подростков, урчание мотора за углом или чей-то неожиданно звонкий смех, усиленный эхом подворотни. Здесь же стояла полная тишина. И хотя все так же горели фонари, и мигали светофоры, беспристрастно следуя своему внутреннему распорядку, город вдруг показался вымершим.

– Жутковато, – Димка поежился, а я подумал, что ему, как всегда, удалось точно передать царившую атмосферу. Действительно, было жутко. Город не должен быть настолько безлюдным, это противоестественно.

– Наверное, все сидят в каком-нибудь баре, – неуверенно предположила Эмми.

– А сегодня случайно нет никакого матча? – заволновался братишка, ярый поклонник футбола, причем совершенно неважно какого. Он умудрялся болеть почти за все команды, разве что не одновременно.

– Нет, – успокоил я.

– Тогда идея с баром имеет право на существование, – согласился Дима.

Мы решили найти этот бар, так как по здравому рассуждению брата, в заведении, которое настолько привлекает людей, должно быть безумно интересно. Мы прошли несколько улиц, прежде чем окончательно убедились, что никакого ночного бара не существует в природе. Все, что попадалось на пути, закрылось еще в восемь часов вечера, а на часах уже была половина одиннадцатого.

– Не город, а рай для пуритан, – блеснул эрудицией Дима. – Ни одного ночного клуба.

Брат никак не мог прийти в себя после такого потрясения. Ему казалось, что подобное положение вещей в принципе невозможно, и я, по сути, был с ним согласен.

– Ну что, накрылась наша прогулка? – с неожиданной для себя самого радостью спросил я. Похоже, я все еще злился на Эмми за то, что она предпочла Диму.

– Кажется, да, – печально согласился брат.

Ничего не оставалось, как вернуться в гостиницу. Мы могли бы пройтись еще, тем более что погода была в самый раз для прогулки – солнце больше не пекло, и стало даже прохладно, но мы чувствовали себя неловко на этих пустынных улицах. словно мы украдкой подсматриваем за спящим городом.

Мы разошлись по своим номерам. Эмми жила вместе со мной, а Дима в целях экономии теперь ютился в одной комнате с отцом.

– Что тебя тревожит? – поинтересовался я у Амаранты, как только мы оказались в номере. С момента приезда в Дно она места себе не находила.

– Я уже говорила, дело в городе. Он... – Амаранта попыталась подобрать нужное слово, но у неё ничего не вышло. – Просто поверь мне, – попросила она. – Я чувствую: здесь что-то не так.

– Это место и меня ставит в тупик, но я же не теряю из-за этого связи с реальностью, – немного резче, чем следовало, заметил я.

– Ты человек, – с едва различимым сожалением в голосе произнесла Эмми; ее тон, конечно же, задел меня. – Вампиры чувствует гораздо больше, чем люди.

– И что именно здесь не так?

– Если бы я только знала!

– Так может и не стоит вникать в это? Вдруг здесь ничего нет, и тебе просто показалось? Через пару дней мы уедем отсюда, и думать забудем про это место, – с вызовом сказал я, понимая, что поступаю неправильно, но мне было просто необходимо выплеснуть скопившееся внутри раздражение.

Эмми с обидой посмотрела на меня, но промолчала. Вместо того чтобы ответить на мой выпад, она направилась к двери.

– Постой, – я попытался удержать её. – Мне жаль, что я сорвался. Останься, – попросил. В последнее время у Амаранты вошло в привычку уходить каждую ночь. Конечно, ей, как любому вампиру, нужно питаться, но Эмми делала это не так часто и уж точно не каждую ночь (если быть точным, то примерно раз в одну-две недели). Вот и сейчас её руки были горячи, а значит, ей еще не нужна свежая кровь.

– Прости, – девушка печально улыбнулась, – мне нужно на разведку. Ты же знаешь.

Сказав это, она скрылась за дверью. Я, конечно, знал, о какой разведке идет речь. Эмми не убивала обычных людей, наоборот, она тщательно выбирала себе жертву, предпочитая лишать жизни только тех, кто её и так не стоит. Например, маньяков, убийц и прочих нелюдей. Само собой, поиск такой еды занимает довольно много времени. Но мне казалось, что Амаранта

нарочно и вполне осознанно предпочитает проводить ночи вдали от меня. Смешно сказать, но с тех пор, как мы снова были вместе, она избегает моих прикосновений, как будто боится близости со мной.

Её уход как всегда погрузил меня в глухую тоску. Я не знал чем и как себя занять. Но, похоже, не я один столкнулся с этой проблемой – минут через десять ко мне зашел Димка.

– Отец смотрит новости, – прямо с порога пояснил он причину своего визита. Брат обо- жал телевизор. Он мог смотреть его хоть круглые сутки. При этом он одинаково тепло отно- сился к фильмам, спорту, программам про животных, мультикам и даже ток-шоу. Только ново- сти и прочая политическая ерунда ввергали его в пучину скуки, а скуку брат считает чуть ли не страшнейшим из зол и совершенно не способен ее переносить. – Можно я побуду у тебя? – не дожидаясь моего разрешения, он устроился на кровати, включил телик и спросил: – Опять ушла? Сочувствую, – протянул он, даже не выслушав ответ. – Тебе не кажется, что она слиш- ком часто ест? – брат мог поддерживать беседу с самим собой, практически не нуждаясь в репликах собеседника, и я продолжал молчать. – Меня это немного беспокоит. Откуда она только берет столько мерзавцев?

Димка еще что-то говорил, не отрывая взгляда от голубого экрана, но я уже не слушал. Вопросы, которые он задал, волновали и меня, но я чувствовал, что причина нашего разлада с Эмми лежит намного глубже.

Не так давно (всего какой-то месяц назад) Амаранта сбежала из логова очень могуще- ственного вампира, умудрившегося хоть и на время, но все же сделать из неё чудовище, кото- рым она так отчаянно не желала становиться. Но Грэгори был намного сильнее, и Эмми ничего не оставалось, как подчиниться и влиться в его клан, где убийство ни в чем неповинных людей являлось ежедневной нормой. Я не подозревал, что Амаранта будет настолько сильно пережи- вать по этому поводу. Для себя я все решил с самого начала, и мне было плевать, где и как она провела те девять месяцев, что мы находились в разлуке. Но оказалось, что ей сложнее справиться с этим. Я бы и рад был ей помочь, но Эмми избегала разговоров на эту тему.

Я посмотрел на часы; было около часа ночи. Эмми должна вернуться только к рассвету, поэтому, попросив Диму сделать звук потише, лег рядом с ним на кровать и попытался заснуть. Надо сказать, у меня это быстро получилось.

Глава 5. Позволь мне остаться

Солнце беспощадно разбудило меня около семи часов утра. С закрытыми глазами потянувшись на кровати, я с удивлением обнаружил, что нахожусь в ней не один. Кровать была большой, двуспальной, и здесь спокойно могли поместиться два, а то и три человек. Так что ночью я не чувствовал постороннего присутствия и был удивлен, когда вытянутая в сторону рука коснулась чьего-то теплого бока.

Кончено, первая мысль была об Амаранте. Я знал, что вампиры практически не нуждаются в сне, и все же продолжал надеяться, что это она. Но тут уловил приглушенный звук работающего телевизора, а за ним – и храп спящего рядом брата. Разочарованию не было предела и, открывая глаза, я уже не ожидал увидеть ничего хорошего.

Как выяснилось, слух не обманул, и рядом действительно спал Димка. Видимо, вчера он вырубился перед телевизором. За это говорили джинсы и рубашка, в которые он все еще был одет. Я обернулся к телевизору. Наступило время утренних передач типа «Доброе утро» или «Пока все дома», и одну из них я имел удовольствие лицезреть. Нащупав пульт сбоку от себя, выключил телик и, подумав о том, во что обойдется этот ночной просмотр гостинице, сел на кровати. В кресле напротив расположилась Амаранта, и мои глаза встретились с её насмешливым взглядом.

– Семейная идиллия, – усмехнулась девушка, кивнув на спящего Димку.

Кажется, она отлично провела эту ночь и больше не злилась на меня. Это хорошая новость.

– Он еще нескоро проснется, – поднимаясь с кровати, заметил я.

– Я в курсе, – кивнула в ответ Эмми. Она уже давно поняла, что Диму раньше десяти не разбудить никакими силами

Натянув джинсы, направился к ванной. Эмми сидела в расслабленной позе, откинувшись на спинку кресла и положив ногу на ногу, и следила за моими передвижениями.

– Как прошла ночь? – спросил я уже из ванной, выплюнув зубную пасту в раковину.

– Нормально, – ответила Амаранта, но ее голос звучал рассеянно, и я решил оставить девушку в покое, тем более что собирался принять душ. Но прежде необходимо было побриться, так как в последний раз я делал это дней пять назад, и на лице уже успела вырасти порядочная щетина. Нанеся на лицо крем для бритья, приступил к делу.

Большинство женщин, с которыми мне когда-либо приходилось иметь дело, считали меня, по меньшей мере, симпатичным, а некоторые из них – так и вовсе красавцем. Сам я никогда особо не задумывался о том, как выгляжу. Внешностью я пошел в мать, погибшую от рук вампира, когда мне было семь лет. Она была высокой (мой рост метр восемьдесят пять) кареглазой брюнеткой. Таков и я, в отличие от отца и брата, способных похвастаться классической арийской внешностью. У меня правильные аристократические черты лица, широкие плечи и развитая мускулатура. Казалось бы, я могу составить достойную партию любой девушке, но та единственная, с которой действительно хочу быть, относится ко мне весьма прохладно. Вот такая складывается картина. Вроде и я ничего, и Эмми сама не раз говорила, что любит меня, но это нисколько не делает наши отношения более теплыми и близкими.

Выйдя из ванной посвежевшим и немного прибодренным (прохладный душ всегда производил на меня тонизирующее воздействие), я застал Эмми в той же позе, что и оставил. Она сидела в кресле, задумчиво глядя на спящего Диму, но смотрела скорее сквозь него, даже не осознавая, кто перед ней находится.

– Так куда ты все-таки ходила? – я повторил вопрос, вытирая волосы полотенцем.

– Так, – Эмми махнула рукой в неопределенном направлении, – везде понемногу.

– Нашла, что искала? – я, прежде всего, говорил о потенциальной еде.

– Что? – девушка посмотрела на меня так, будто не поняла вопроса.

– Ты нашла, чем подкрепиться?

– Ах, это, – с облегчением выдохнула она. – Да, конечно, – и снова погрузилась в свои мысли.

Не давая Эмми возможности окончательно уйти внутрь себя, я присел перед ней на корточки так, что наши лица оказались напротив друг друга. Я взял её руки в свои, и мне стало очевидно: Эмми только что меня обманула. Куда бы она ни ходила этой ночью, это точно не было связано с пропитанием: её ладони сделались прохладнее по сравнению со вчерашним днем.

Кровь для вампиров – жизненно важное топливо. Без неё они теряют силы и становятся уязвимыми. Физически это проявляется в бледной коже, темных кругах под глазами, снижении температуры тела. Голодный вампир больше напоминает мертвеца, нежели живого человека. Когда вампир сыт и полон сил, то на его лице играет румянец, кожа пышет жаром, так что это чувствуется даже на расстоянии, глаза сияют. Накаченный свежей кровью вампир выглядит, как патологически здоровый человек.

Руки Эмми в данный момент красноречиво говорили о том, что она не ела дней семь, а значит, ни на какую охоту этой ночью девушка не ходила.

Амаранта посмотрела мне в глаза и, прочитав там сомнение в искренности её слов, попыталась оправдаться:

– Я пока только искала подходящую кандидатуру.

– Если ты не хочешь говорить правду, то хотя бы не ври, – как можно более спокойнее попросил я, хотя внутри бушевал настоящий тайфун. Зверски хотелось что-нибудь разбить и непременно вдребезги.

– Ты мне не веришь? – с вызовом спросила Амаранта, но от её тона за версту несло наигранностью. – Я бы не стала тебя обманывать, – добавила она, опуская голову.

Я протянул руку и коснулся её подбородка, приподняв голову девушки так, чтобы видеть её глаза.

– Тогда почему ты не смотришь на меня?

Эмми набрала в грудь побольше воздуха, намереваясь ответить, но так и не нашлась, что именно сказать.

– Ты постоянно куда-то уходишь, не отвечаешь на вопросы, обманываешь меня, – я жестом остановил готовый сорваться с её губ протест. – Ты больше не хочешь быть со мной? Если это так, только скажи, я не стану удерживать тебя силой, – я говорил, а внутри все сжималось от неконтролируемого страха, что она сейчас согласится с моими словами.

Но вместо этого Амаранта прямо посмотрела на меня, и я увидел в бесконечном омуте прекрасных синих глаз ответ, который больше всего на свете желал услышать.

– Конечно, я люблю тебя, глупенький, – Эмми нежно улыбнулась. – Ты даже не можешь себе представить, насколько.

Бесспорно, слова шли из самой глубины её сердца. Следуя спонтанному порыву, я потянулся к Амаранте, рассчитывая на поцелуй, но она одним ловким движением вывернулась из моих объятий и встала с кресла. Я снова остался ни с чем.

Недоумевая о причине такого поведения (лично для меня поцелуй был логичным продолжением признания в любви), повернулся к ней. Эмми остановилась на безопасном расстоянии и виновато смотрела в мою сторону. Весь её вид говорил о том, что она дико раскаивается, но в то же время я четко понимал: если опять попытаюсь её поцеловать, то все повторится.

Вздыхнув, сел в кресло, где еще секунду назад была Эмми.

– Удалось что-нибудь узнать о городе? – поинтересовался я будничным голосом, изо всех сил пытаясь абстрагироваться от случившегося.

– Нет, – немного нервно ответила Эмми, поглядывая на меня в поисках доказательств того, что я не сержусь. – Я не занималась этим вопросом.

И снова я не поверил, но у меня не было времени заявить об этом, так как в этот самый момент раздался стук в дверь.

– Войдите, – мгновенно отреагировала Амаранта, цепляясь за утреннего визитера, как за спасательный круг.

Дверь отворилась, и в номер вошел отец. Кивнув в знак приветствия, он заметил Диму и произнес, довольный тем, что нашел младшего сына:

– Так я и думал, что он остался у вас. Надо было его выгнать.

– Он не мешал, – признался я с сожалением. Отец удивленно взглянул на меня, но предпочел промолчать.

Не дожидаясь Димки, мы пошли завтракать. Ресторан находился в здании гостиницы, и Эмми составила нам компанию, несмотря на равнодушие к обычной пище. В коротком платье, с распущенными по плечам иссиня-черными волосами она произвела фурор среди официантов, и они весь завтрак не сводили с неё восторженный глаз. Даже персонал кухни высыпал в зал, чтобы оценить красоту моей девушки. Меня уже давно не удивляла такая реакция людей на Амаранту, тем более что я разделял их чувства. Эмми, являясь вампиром, обладала просто потрясающей внешностью. Честно говоря, вообще ни разу не встречал вампира, которого нельзя было бы назвать прелестным. Внешняя привлекательность давалась им вместе с бессмертием и служила для приманки и поимки жертв, как, впрочем, и остальные качества, которыми они славились. Будучи идеальными хищниками, вампиры довели свое мастерство заманивать и убивать до таких высот, которых другим представителям нечистой силы никогда не достичь. Вся мощь, выносливость, неиссякаемое очарование, включая голос, обостренные обоняние и слух являлись необходимыми атрибутами для удачной охоты на самого изворотливого зверя – на человека. По тому, как мужчины смотрели на Амаранту, ловя каждое её движение, было ясно: стоит ей позвать, и они, не задумываясь, отправятся следом, не поинтересовавшись конечным пунктом маршрута. Не исключено, что даже знание о том, что этот путь приведет в ад, не заставит их свернуть.

Разумеется, я тоже не избежал действия этих чар, но для меня важны и другие качества Амаранты. Я видел в своей жизни достаточно вампиров и другой нечисти, обладающей неземной внешностью, чтобы перестать реагировать на их облик. Эмми покорила меня в первую очередь своей хрупкостью, открытостью и наивностью. Она оказалась намного чище многих других девушек, которых я знал, как бы странно это не звучало по отношению к вампиру. Чувствовалось: она нуждается во мне не меньше, чем я в ней, и это подкупало. Что же касается остальных представителей мужского пола, с вождением смотрящих ей вслед, то я почти научился не обращать на них внимания.

Последующие два дня прошли более чем спокойно. Нас засосала рутинная жизнь города. Казалось, еще немного, и я сам начну ходить подчеркнуто неторопливо. Это качество местных жителей особенно раздражало, они словно никогда никуда не опаздывали, что, на мой взгляд, похоже на фантастику.

Единственное, что мешало окончательно расслабиться и держало в тонусе – это постоянные ночные отлучки Эмми. Она отговаривалась тем, что ищет потенциальный ужин, но меня это мало успокаивало. Каждую ночь Амаранта уходила с закатом и возвращалась только с первыми лучами солнца. Было видно, она отчаянно пытается решить какую-то не дающую ей покоя задачу, но так как никто её мнения насчет города не разделял, девушка не делилась соображениями по этому поводу.

Конечно, и я, и Димка считали Дно по меньшей мере странным местом, но не более того. Отец так вообще ни разу не заговорил с нами на эту тему, и мы решили не тревожить его

попусту безосновательными подозрениями. В конце концов, то, что казалось нам необычным, могло быть всего лишь привычным образом жизни для горожан – частью местного колорита.

К третьему дню пребывания в городе я и думать забыл о здешних странностях и даже успел привыкнуть к странному освещению, списав его на особенности воздуха, который так необычно преломляет солнечный свет. Как раз утром третьего дня мы все собрались за завтраком в ресторане, и отец заявил, что пора собираться в дорогу.

– Так скоро? – удивилась Эмми. Она выглядела раздосадованной.

– Мне позвонил знакомый охотник, – надо заметить у отца их было больше сотни, – и попросил проверить одно место на наличие суккуба.

При слове «суккуб» у брата загорелись глаза. Он обожал охоту на этих демонов, ведь она обещала тесный контакт с красивыми девушками.

– Когда выезжаем? – нетерпеливо спросил он. По всем признакам Дима был готов отправиться в путь хоть сейчас.

– Завтра, – прожевав кусок омлета, ответил папа. – Ехать недалеко, и торопиться не имеет смысла. Тем более мой знакомый не уверен, что его подозрение верно.

– Я бы хотела остаться, – неожиданно твердым голосом заявила Амаранта. Она была настроена довольно решительно, это было видно по нахмуренным бровям и строгому взгляду. Её слова удивили всех, кроме меня. Чего-то подобного я и опасался, предчувствуя: так просто нам этот город не покинуть.

– Могу я узнать, почему? – осторожно поинтересовался отец. Как я уже отмечал, он с особым трепетом относился к Эмми (хоть в свое время и противился тому, чтобы мы были вместе) и старался всячески ей потакать, как если бы пытался загладить свою вину перед ней.

– Этот город не совсем обычен. Я чувствую в нем некоторые странности и хотела бы выяснить все до конца, – пояснила Эмми.

– Этим ты занималась по ночам? – предположил я, и она виновато улыбнулась в ответ, подтвердив мою догадку.

– Что же в нем необычного? – искренне изумился отец, который понятия не имел, что мы трое всерьез считаем это место странным. Лично ему оно казалось совершенно обыденным.

– Как бы мне хотелось это понять! Мне нужно еще немного времени, – Эмми умоляюще посмотрела отцу в глаза.

Я видел: эта крепость в самое ближайшее время будет взята без штурма, так что решил вмешаться и, давая понять, что спор в этом вопросе неуместен, с самым суровым видом заявил:

– Я останусь с Амарантой.

– Я тоже, – неожиданно в тон мне добавил Димка.

Я изумлено посмотрел на брата. Не понятно, с чего вдруг он решил променять приключение (в его представлении работа охотника – один большой аттракцион) с участием суккуба на прозябания в провинциальном городке.

– Вот значит как, – пробормотал отец. – Доказательства того, что в городе живет нечисть, у тебя есть? – спросил он, обращаясь к Эмми.

– Пока нет, – делая ударение на слове «пока», пытаясь тем самым подчеркнуть, что они обязательно появятся, ответила Амаранта.

Отец задумчиво уставился в окно, и я воочию представлял, как он взвешивает все «за» и «против», просчитывая различные варианты в поисках приемлемого решения. Наконец, спустя минут пять, он снова повернулся к нам и вынес вердикт:

– Оставайтесь, раз вы так этого хотите. До областного центра, куда я еду, часа два пути, я в любой момент смогу вас вызвать.

Мы трое расслаблено улыбнулись, выслушав его решение. Эмми выглядела счастливой: ей выпала возможность продолжить свое расследование, я радовался тому, что буду находиться рядом с ней, а Дима почти всегда улыбался, даже когда другим хотелось плакать.

– Только у меня будет одно условие, – прервал нашу эйфорию отец. – Как только я позволю и скажу, что вы мне нужны, вы тут же все бросите и отправитесь ко мне, как бы серьезны ни были ваши подозрения насчет происходящего в городе. В крайнем случае мы всегда сможем сюда вернуться. Договорились? – обратился он сразу ко всем, и мы согласно закивали головами.

На том и порешили. Мы втроем остались в городе, а папа уже на следующий день, погрузив чемодан в машину, покинул город. Сейчас я думаю, что если бы отец остался тогда с нами, он бы успел вовремя распознать опасность и вмешаться, решив исход дела в нашу пользу. Но он, резонно считая нас уже достаточно взрослыми, не помышлял о том, что с нами может случиться что-то по-настоящему плохое. Заботу о брате он возложил на мои плечи и, как ни стыдно в этом признаться, я не оправдал его доверия.

Глава 6. Крылатые качели

– Ты думаешь, я не в себе? – набросилась на меня Эмми, как только мы вошли в номер. Отец уже должен был находиться на выезде из города, Дима решил пройтись, и мы в кои-то веки остались одни.

– Не знаю, ты мне скажи, – я пожал плечами, чувствуя себя совершенно разбитым. Я не понимал, что происходит с Амарантой, и порядком устал, пытаюсь добиться объяснений.

– Ты должен мне верить, в этом городе что-то творится. Все мое вампирское «я» кричит об этом, – с жаром ответила Эмми.

У меня больше не было сил сдерживаться, и я вспылал. Все накопленное за последний месяц раздражение вырвалось наружу.

– Неужели это единственное, что тебя волнует? – осведомился я зло. – А тебе не кажется, что есть вещи и поважнее этого города вместе с его заторможенными жителями?

– Например? – обескураженная таким напором, уточнила Амаранта.

– Как насчет нас? – я все сильнее заводился от звука собственного голоса. Ведь, по сути дела, мы еще ни разу серьезно не ссорились. Мелкие распри не шли в счет. – Наши отношения не достаточно важны для тебя?

– А разве с нашими отношениями что-то не так? – невинно поинтересовалась девушка. Именно это напускное неведение взбесило больше всего.

– Выходит, по-твоему, с нами все в порядке? – с издевкой в голосе обратился я к Эмми. – Тебя, значит, нисколько не напрягает, что мы ведем себя по отношению друг к другу как чужие люди?

– Это не так, – перебила она со всей страстностью.

Чтобы доказать свою правоту, я несколькими широкими шагами сократил расстояние между нами и притянул Амаранту к себе, прижав её к груди. Девушка мгновенно напряглась. Её мышцы превратились в камень. Кажется, она даже перестала дышать. Взгляд Эмми был устремлен куда-то в район моего солнечного сплетения, а руки сжались в кулаки. Естественно, такое поведение воспринималось как отказ. Не желая заставлять Амаранту делать то, чего она не хочет, я отпустил её, сделал шаг назад и уже более спокойно спросил:

– А как ты это назовешь? – злость медленно покидала меня, уступая место разочарованию.

Эмми подняла взгляд и слабо улыбнулась.

– Я люблю тебя, – искренне прошептала она.

– Это мы уже проходили. Возможно, так и есть, но моя близость тебе неприятна, я же вижу, – усилием воли я подавил рвущейся наружу стон. Эмми не к чему знать, насколько больно она мне только что сделала. – Может, у вампиров принято как-то по-другому, но у людей это важная часть отношений.

– У вампиров тоже, – смущенно призналась Амаранта.

– Получается, проблема во мне.

– Нет! – горячо запротестовала девушка, но тут же сникла. – И да, – добавила она уже менее эмоционально.

– Спасибо за откровенность, – пробормотал я, отворачиваясь.

Проведя рукой по волосам, попытался привести мысли в порядок. Признание Эмми подкосило меня. Я не знал, как вести себя дальше. Да я вообще слабо понимал, что происходит!

– Ты неправильно меня понял, – Амаранта остановилась за моей спиной, сохраняя дистанцию.

– Объясни, – попросил я без особого энтузиазма.

– Мне тяжело войти в прежний ритм жизни, – начала она сбивчивый рассказ. – Прошел всего месяц. Я достаточно долго ни в чем себе не отказывала, и теперь мне сложно так сразу перестроиться.

Понятно, что она говорила, прежде всего, о своем недавнем рационе питания.

– Я во всех людях вижу потенциальную жертву, – между тем продолжала Эмми, – от этого нельзя избавиться за такой короткий срок. Даже ты воспринимаешься моим организмом в первую очередь, как еда. Это инстинкт, я ничего не могу с ним поделать, – виновато попыталась она оправдать свое видение людей вообще и меня в частности.

Немного опешив от такого заявления, я обернулся к девушке. Отчего-то не приходило в голову, что Эмми может думать обо мне как о некоем гастрономическом блюде. Это было неприятно, но вместе с тем многое в её поведении становилось ясным.

– Ты боишься убить меня? – спросил я, сам не веря тому, что задаю этот вопрос.

– Не совсем, – она улыбнулась, снимая общее напряжение. – Я не настолько не контролирую себя. Уверена, что всегда смогу вовремя остановиться, но это не значит, что я не способна причинить тебе вред.

– И чем ближе я к тебе нахожусь, тем сложнее тебе бороться с собой? – эта досадная гипотеза вполне могла оказаться правдой, и я замер в ожидании ответа.

Эмми кивнула в знак согласия, и все мгновенно стало на свои места. Именно желанием защитить меня продиктовано её странное поведение. Она еще не до конца владеет собой и просто-напросто опасается, что не сможет сдержаться и укусит меня, если я подойду слишком близко. Облегчение и горечь одновременно овладели мной, и я с ужасом поинтересовался:

– Так будет всегда?

– Надеюсь, что нет, – девушка округлила глаза от страха. – Раньше ведь так не было. Просто с Грэгори я привыкла к мысли, что люди созданы только для удовлетворения моих потребностей в еде. Сейчас я так не считаю, но тело все еще думает по-старому. Оно помнит уроки Грэга. Мне просто нужно немного времени, – с мольбой в голосе обратилась она ко мне. – Если любишь меня, подожди еще немного, и все наладится.

Я вздохнул, уже зная, что, конечно же, буду ждать ровно столько, сколько понадобится. Эмми поняла, что бастион пал, это было видно по довольному выражению её лица. Но мне не давал покоя один вопрос, который я поторопился задать, пользуясь внезапной откровенностью девушки.

– Почему ты мне сразу об этом не сказала? Все могло быть намного проще, по крайней мере, для меня.

– Прости, – Амаранта выглядела искренне раскаявшейся, – я думала, если ты узнаешь, что я потенциально опасна для тебя и твоих близких, то прогонишь меня. Я надеялась, что мне удастся справиться с проблемой гораздо быстрее.

– Как ты вообще могла такое подумать? – воскликнул я и тут же заверил: – Я уже однажды потерял тебя, больше я такой глупости не совершу, – немного помолчав, сменил тему, – Значит, проблемы с городом действительно существуют. И ты не ничего не выдумывала, чтобы отвлечь меня.

– Я бы не стала этого делать. К тому же отвлечь тебя можно было и суккубом.

Это замечание показалось справедливым, и я наконец задумался над тем, что Эмми твердила уже несколько дней. Она неоднократно повторяла, что своим вампирским чутьем ощущает – в этом месте что-то не в порядке, и я попросил рассказать об этом подробнее.

– Ты вряд ли поймешь, – начала она было, но, заметив мой скептический взгляд, осеклась. – Ну, ладно. Я, как бы это точнее сказать, чувствую присутствие неких существ в городе.

– Что за существа?

– В том-то и дело, я не могу точно определить, кто или что они такое. Но они совершенно точно есть. И их много, – немного подумав, добавила Эмми.

– Насколько? – спросил, уже предчувствуя, что дело предстоит непростое.

– Очень много, – разведя руки в стороны, ответила Эмми. – Колоссально много.

Я направился к окну, чтобы посмотреть на город, который отсюда выглядел вполне мирным. Если в нем и происходит что-то из ряда вон выходящее, то невооруженным взглядом этого было не определить.

– Дело в людях? – задал я вопрос, наблюдая за неспешной поступью прохожих.

– Нет, с ними все хорошо. Не считая легкой заторможенности, они абсолютно нормальны.

– Значит, есть что-то еще?

– Да, – кивнула Эмми. Она подошла ко мне, чтобы тоже взглянуть на улицу, – и оно повсюду. У меня не выходит определить источник. За исключением одного, – вскинув голову, произнесла девушка. Я молча ожидал продолжения, и она не стала тянуть. – Детская площадка.

– С ней-то что не так? – изумился я.

– Не знаю, – Эмми выглядела растерянной. – Помнишь день нашего приезда и девочку в песочнице? – я кивнул. – Именно там я впервые почувствовала чье-то присутствие, но потом я ходила туда ночью, и ничего подобного уже не было. Это ощущение распространилось на весь город.

– Прогуляемся?

– Означает ли это, что ты мне веришь? – пылливо поинтересовалась Амаранта.

– Конечно, верю.

Эмми внимательно посмотрела на меня, её сапфировые глаза сияли благодарностью. Она тут же отправилась одеваться. На улице была середина дня, и Амаранта облачилась в свой «защитный костюм». Именно из-за времени суток я предложил выйти на улицу – захотелось повторить нашу первую прогулку. Кто знает, может, в этот раз Эмми снова сможет что-то уловить на площадке?

На улицу мы вышли минут через десять, когда Эмми окончательно убедилась, что не единый луч не упадет на кожу (её боязнь солнца доходила до паранойи). Прямо на пороге гостиницы нам встретился Дима. Брат, заметив нас, тут же передумал возвращаться в номер и напросился составить нам с Амарантой компанию. Мы не возражали, пришлось посвятить его в наши подозрения насчет детской площадки и рассказать о других странностях города. Это заняло нас на время пути.

Достигнув площадки, мы сразу же отправились в ту её часть, где видели необычную девочку. Я обратил внимание, что и сегодня площадка по-прежнему делилась на две примерно одинаковые части, и дети на одной её стороне были настолько же активны, насколько пассивными выглядели их сверстники на другой.

Эмми заприметила ту девочку, с которой познакомилась в прошлый раз, и мы направились к ней. Роль переговорщика вновь предоставили Амаранте, ведь ребенок уже знал её. Дима и я притаились в тени деревьев; там мы могли оставаться незамеченными, но при этом прекрасно слышать весь разговор.

– Привет, – Эмми обратилась к девочке, сидящей все в той же песочнице. Возможно, это было её любимое место на площадке. – Снова строишь камеру пыток?

– Нет, – не отрываясь от дела, ответил ребенок.

– Ты что же уже победила всех врагов? – с улыбкой поинтересовалась Амаранта – наш парламентар.

– Я смогу их победить, только когда вырасту, – спокойно пояснила малышка. – А пока я леплю куличики. Хочешь помочь? – ребенок сегодня выглядел совершенно нормальным, и я даже начал сомневаться, а не показалось ли нам, что с ней что-то неладно.

Эмми уже хотела согласиться на предложение девочки, когда к песочнице подошла молодая женщина, скорее всего, мать ребенка. Женщина не выглядела агрессивно настроенной, и я понял: у нас появился уникальный шанс узнать все из первых уст. Ведь если с девочкой что-то происходит, кто, как не мама, должна это знать? Поэтому я решил присоединиться к Амаранте, чтобы участвовать в их разговоре, а Диму попросил остаться в нашем убежище. Слишком большое скопление людей могло насторожить женщину.

– Добрый день, – осторожно поздоровалась мать девочки с Эмми. – Могу я вам чем-то помочь?

Я заметил, как настороженно она отнеслась к Амаранте. Но, учитывая вид девушки, по-другому и быть не могло.

– Прекрасная сегодня погода, не правда ли? – вмешался я в еще толком не завязавшуюся беседу. Женщина перевела взгляд на меня, и я как можно дружелюбнее улыбнулся. – Жаль, у моей жены аллергия на солнце, и она не может насладиться прелестью лета, – сказал, надеясь рассеять предубеждение женщины относительно вида Амаранты и, кажется, не прогадал. Теперь она посмотрела в сторону Эмми с сочувствием.

– У вас прелестная дочь, – внесла Эмми свою лепту в разговор, чем убила сразу двух зайцев. Во-первых, похвалив ребенка, расположила к себе мать, и, во-вторых, услышав хрустальный голос, женщина расслабилась и перестала думать об Амаранте, как о потенциальной опасности.

– Спасибо, – приветливо улыбнувшись, поблагодарила она. – Дочь – все, что у меня есть, – мать нежно коснулась затылка играющей девочки, но та неожиданно зло тряхнула головой, сбрасывая руку. – Она такая самостоятельная, – чувствуя неловкость, женщина попыталась оправдать поступок ребенка, но я-то видел: самостоятельность не имеет к поведению девочки никакого отношения. Уж слишком агрессивна была настроена дочь по отношению к матери.

– Вы мне мешаете, – заявил ребенок, – шли бы вы отсюда.

– Прости, милая, мы уже уходим, – безропотно согласилась мать.

Мы направились к лавке, где до начала разговора сидела женщина. Я пытался осмыслить произошедшее. Попустительство матери тревожило. Она словно заранее знала, что ничего изменить нельзя, и все её слова порицания все равно не будут услышаны дочерью.

– Вы уж её простите. Она хорошая девочка, – извинилась за поведение дочери женщина. – Как вам город? – сменила она тему.

– Мне очень нравится, – заговорила Эмми с бьющим через край энтузиазмом. – Мы с мужем подумываем остаться здесь насовсем, – она взяла меня под руку. – Правда, милый?

– Да, конечно, – пробормотал я, еще не совсем понимая, куда она клонит. Но, видимо, у неё был какой-то план, и я не стал мешать его осуществлению.

При этих словах лицо нашей собеседницы изменилось: на нем появилось выражение, уже однажды виденное мной у другого местного жителя. Сходство усилило и то обстоятельство, что женщина спросила о том же, что и встретившийся мне несколькими днями ранее мужчина.

– У вас есть дети? – судя по тону, этот вопрос казался ей крайне важным.

– Нет, – честно призналась Эмми, – но мы не собираемся с этим тянуть, – зачем-то сочла нужным добавить она и, как оказалась, попала в самую точку.

Лицо женщины вытянулось, словно она услышала самую страшную новость в своей жизни. Не в силах больше стоять на ногах, она рухнула на скамейку и поинтересовалась:

– А вы не боитесь, что ваша аллергия передастся ребенку?

Мне на секунду показалось, что она всерьез собирается разубедить нас заводить потомство.

– Это не наследственное, – успокоила Амаранта.

– Понятно, – разочарованно протянула женщина. Она не стала развивать эту тему, видимо, посчитав её бесперспективной. – Меня, кстати, Кристиной зовут.

Мы в свою очередь тоже назвали имена, и она заявила, что, наконец, поняла, откуда у Эмми такой странный акцент (Амаранта была родом из Прибалтики), списав на него и необычный тембр голоса моей любимой.

– В этом городе лучше не рожать детей, – глядя вдаль, предупредила Кристина. – Я сама родилась и выросла здесь, и уже тогда дети тут часто болели.

– Вы имеете в виду простуду? – уточнил я, еще не понимая, куда она клонит.

– Не совсем, – женщина помолчала, но, видимо, решив, что мы, в сущности, находимся с ней в одной лодке, решила поделиться наболевшим. – Вику я родила здесь же. Я вообще ни разу не выезжала за пределы города. А ведь мама уговаривала меня ехать рожать в областной центр, – она вздохнула, видимо, сожалея, что не послушалась мать. – Но, думаю, это все равно бы ничего не изменило.

– Ваша дочь больна? – кажется, Эмми осенила какая-то догадка, и она поспешила её проверить.

– Врачи говорят, что это генетическое заболевание, и ничего поделать с ним нельзя, – кивнула несчастная мать. – Недалеко от города находятся залежи какой-то руды. Именно они и влияют на развитие патологий у детей.

Я посмотрел на ребенка, самозабвенно лепящего кулича. Девочка выглядела вполне здоровой. Румяные пухлые щечки, серьезные умные глаза и ловкие движения совершенно не вязались с представлениями о какой-то болезни.

– Так и не скажешь, да? – заметив мой пытливый взгляд, усмехнулась Кристина. – Физически она здорова. Дело в её голове.

– Она агрессивна? – уже имея опыт общения с ребенком, предположила Эмми.

– И это тоже. Еще Вика необщительна, замкнута в себе, и у неё множество навязчивых идей.

– И эти дети, – Амаранта запнулась, – они что – тоже все...

– Да, – Кристина в очередной раз кивнула, – они все больны

Я осмотрел площадку. Теперь стало понятно существующее на ней разделение. Больные дети находились на «тихой стороне». Они не нуждались в общении со сверстниками, пусть даже с себе подобными. Каждый ребенок был занят исключительно собой, игнорируя окружающих.

– А они не боятся заразиться? – спросил я, намекая на здоровую часть детей.

– Это не передается. Заболевание врожденное, – пояснила Кристина. – К сожалению, его нельзя выявить при беременности. Оно проявляется у ребенка лишь годам к пяти. А к половому созреванию достигает своего пика, – с ноткой ужаса сказала она.

Только после этих слов я догадался, что еще показалось мне странным на площадке. Если на «шумной стороне», где играли здоровые дети, были представители всех возрастов вплоть до подростков, то на той половине, где стояли мы, присутствовали только дети младшего возраста, не старше десяти лет.

– И каков же пик? – с содроганием прошептала Эмми.

– Полное асоциальное поведение, – заученно ответила Кристина. Должно быть, врачи не раз твердили ей нечто подобное.

Мы все ненадолго замолчали, глядя на играющую Вику. Какое будущее её ждет?

– Это нельзя вылечить? – поинтересовался я с надеждой.

– И наши врачи, и приезжие специалисты бьются над этой проблемой, но я не думаю, что им когда-либо удастся её решить. Нельзя же вылечить болезнь Дауна.

Кристина резко поднялась и направилась к песочнице; словно устыдившись своей открытости, она торопилась отделаться от нас. Она начала подбирать пасочки дочери, судорожно

запихивая их в пакет, но они постоянно выпадали из дрожащих рук, и я поторопился на помощь. Когда отдавал последнюю формочку, женщина сжала мою руку и произнесла:

– Если хотите иметь здоровых детей, то лучше уезжайте отсюда.

Сказав это, Кристина подхватила сопротивляющуюся девочку и поволокла её прочь. Ребенок лишь раз обернулся, чтобы посмотреть на меня, и это был один из самых тяжелых взглядов, которые видел в своей жизни. Обычно так в каких-нибудь фильмах ужасов смотрит ребенок, играющий роль главного монстра, уничтожающего все вокруг.

– Вот это девочка! – присвистнул Дима у меня за спиной. Он как раз успел заметить прощальный взгляд ребенка. – Слышал бы ты, какую считалочку она тут напевала, – брат выглядел потрясенным.

– Я слышала, – вмешалась подошедшая Эмми, слух которой был во много раз острее человеческого. – Могу повторить, – предложила она; её память была лучше, чем у с Димой вместе взятых, и не приходилось сомневаться: она способна это сделать.

– Давай, – согласился я, потому что меня разбирало обычное любопытство.

– Раз, два, три, на нас посмотри, – продекламировала Амаранта будничным тоном, но у меня все равно побежали мурашки по телу. – Четыре, пять – не успеешь убежать; шесть, семь, восемь – с тебя за все мы спросим; девять, десять, раз – есть клыки у нас. Два, три, четыре – нас сильней нет в целом мире; пять, шесть, семь – будет больно всем; восемь, девять – станем смерть мы сеять. И еще раз десять – на спасенье не надейся.

Эмми замолчала, и воцарилась тишина. Лично я не представлял себе шестилетнюю девочку, напевающую эту считалку. Должен вам сказать, мне стало не по себе. Откуда она её только взяла?

Дима, кажется, думал о том же, так как задал вслух мучавший меня вопрос:

– Она что, сама её придумала? Я что-то раньше ничего подобного не слышал.

– Это детский фольклор, – ответил, сам не веря в сказанное. – Помнишь, например, стишки про маленького мальчика? Думаю, это оттуда же.

Мы с Димкой принялись спорить на тему детских стихов и страшилок, и я не заметил, когда именно Эмми потеряла интерес к нашему разговору. Лишь минут через десять, оглянувшись в поисках Амаранты, увидел, что она отошла довольно далеко. Девушка стояла поодаль, внимательно наблюдая за игравшими детьми.

– Эмми, – окликнул я, – что-то случилось?

Я не видел её лица, но по напряженной позе понял, что она чем-то заинтересовалась.

– Я снова это чувствую, – ответила девушка, не оборачиваясь.

– Ты можешь определить источник?

– Это дети, – немного удивленно, но вместе с тем уверено сказала Амаранта. – Странная энергия идет от них.

Эмми говорила о малышах, играющих на «тихой стороне» площадки. Как только она произнесла последнее слово, дети, которые, казалось, сидели совершенно обособлено друг от друга, внезапно как некий единый организм одновременно подняли головы и посмотрели на нас. Было в их маленьких глазах что-то первобытное, заставляющее кровь холодеть. Точно так же недавно смотрела девочка Вика. Под напором этих взглядов мы, не сговариваясь, отступили.

Только покинув детскую площадку, я смог опять вздохнуть полной грудью.

– Я один почувствовал это? – сипло поинтересовался Дима, до этого хранивший несвойственное ему молчание.

– Боюсь, что нет, – сознался я и обратился к Эмми, желая окончательно убедиться, что правильно её понял, хотя ответ был очевиден. – Значит, дело все-таки в детях?

– Не сомневаюсь, что это так, – теперь в голосе девушки звучала уверенность. – Вот почему я ночью ничего не почувствовала. Они просто спали.

– Тогда становится понятно, почему ты ощущала эту энергию по всему городу.

– Верно, – кивнула Амаранта. – Дети живут в разных домах. Они разнесли свою ауру повсюду.

– Я что-то не понял, – вмешался Димка, – мы собираемся охотиться на детей?

Эмми оглянулась на него и промолчала. На его вопрос оказалось сложно подобрать ответ. Надо быть абсолютно уверенным в своей правоте, прежде чем выступить против этих малышей. Одних ощущений и предчувствий для этого мало.

Глава 7. Белые халаты

Мы дружно отправились в наш с Эмми номер. После случившегося на детской площадке необходимо было хорошенько подумать и составить хотя бы примерный план действий. К тому же, честно говоря, никому из нас просто не хотелось оставаться в одиночестве.

– Теперь убедились, что я была права? – с долей превосходства спросила Амаранта.

– Лучше бы ты ошибалась, – беззлобно ответил брат, и Эмми потупила взор, осознав нелепость своего триумфа.

– Что с этими детьми не так? – не желая вступать в бессмысленный спор, поинтересовался я у Амаранты. Часто знание первопричины – уже половина раскрытого дела.

– Я не до конца это понимаю, – Эмми закусила нижнюю губу и сосредоточенно нахмурилась. – От них идет какая-то странная энергия.

– Может, это и не дети вовсе? – предположил Дима. – А маленькие монстрики? Как думаешь, могут они быть нечистой? – спросил он почему-то у меня. Кажется, брат надеялся на положительный ответ. Ведь в этом случае мы могли без угрызений совести вступить в борьбу с неизвестным. Какая, в сущности, разница, как выглядит нечисть?

Но так как я не знал ответа на этот вопрос, Эмми взяла инициативу на себя и окончательно уничтожила все ростки надежды.

– Они совершенно точно люди.

– То есть как это – люди? – я не желал верить в услышанное. Одно дело бороться против нечистой силы, которая приняла облик невинного ребенка, и совсем другое – против настоящих детей.

– Я чувствовала биение их сердец. И, да, я на сто процентов уверена в том, что дети не нечисть, – опережая следующий вопрос, сказала Эмми.

– Погодите, – Дима поднял вверх руки, призывая нас остановиться, – а с чего вы взяли, что они вообще кому-то угрожают?

Этот вопрос был резонным, и мы с Эмми всерьез над ним задумались.

– Пусть они странные, но я что-то пока не слышал ни об одной насильственной смерти в городе, – между тем продолжал Дима. – Их нелюдимый характер и жуткие взгляды еще не повод обвинять детей в чем-либо.

– Пожалуй, ты прав, – согласился я с облегчением. Все-таки, какое бы ужасное впечатление ни произвели на нас малыши, они никому не причиняли вреда.

– Это не имеет значения, – Эмми упорно настаивала на своем. – Рано или поздно то, что сидит в них, проявится, и тогда они точно прибегнут к насилию.

– У нас демократическая страна, – напомнил Димка. – Не пойман, не вор, – он развел руками. – Да и вообще, лично я не смогу убить ребенка, даже зная о том, что возможно (прошу заметить, возможно), – дважды повторил он для пущего эффекта, – в будущем он кого-нибудь прикончит.

– Боюсь, я тоже.

Эмми поражено посмотрела на нас. Когда она заговорила, в её голосе кипело возмущение:

– Вы что же, думаете, я призываю вас убивать детей? Я и сама в жизни не подниму руку на ребенка!

– Тогда что же нам делать? Казнить нельзя помиловать. Где будем ставить запятую? – с усмешкой поинтересовался Дима.

– Для начала надо до конца разобраться в ситуации, – уже спокойнее предложила Амаранта. – А там посмотрим.

– Эмми права. Давайте выясним, что с детками не так, а после решим, как поступить.

– Может, в них вселились демоны? – предположил Дима. – Этакая маленькая армия очередного мечтателя о господстве над миром.

– Нет, – отвергла Амаранта и эту гипотезу, – демонами тут не пахнет. Дети чисты в этом плане.

– Чем же тогда от них пахнет? – полюбопытствовал братишка.

– Если бы я только знала, – покачала головой моя красавица, игнорируя Димин ироничный тон.

В первую очередь требовалось найти источник информации, из которого мы смогли бы узнать об этой странной болезни побольше. Волновал и еще один вопрос: куда исчезают дети после достижения подросткового возраста? Я ломал голову над этой проблемой, когда меня посетила простая до банальности идея.

– Я знаю, что делать, – заявил я, обратив на себя всеобщее внимание. – Нам необходимо узнать об этой болезни, не правда ли? – мои собеседники дружно кивнули. – А кто, как не врач, может о ней рассказать?

– Поход в больницу? – уточнил Дима. – Можно попробовать. Кто пойдет?

– Мы с Эмми, – ответил я, не задумываясь.

– Это еще почему? – возмутился Димка, ненавидящий пропускать интересные события и желающий лично участвовать во всех мероприятиях и вылазках.

– Мы представимся супружеской парой, которая собирается завести ребенка, и пришла проконсультироваться насчет странного заболевания. Однажды это уже сработало.

– Все равно это нечестно, – проворчал Дима, но было видно, что он уже сдался.

Мы решили не откладывать визит в больницу, тем более что в любую минуту мог позвонить отец и потребовать наше присутствия. А дело казалось весьма интересным хотя бы его необычностью; не хотелось уезжать, оставив его нераскрытым.

Быстро собравшись (Эмми надела под свой маскировочный костюм, блузку и легкие брючки с расчетом на то, что плащ в больнице придется снять), мы отправились в единственную на весь город поликлинику. Современное здание из темного стекла и бетона, где она располагалась, явно было построено недавно. Внутри, несмотря на сорокаградусную жару, оказалось прохладно. Спонсоры определенно не поскупились на кондиционеры, и теперь помещение поликлиники являлось оазисом свежего воздуха среди душных улиц города.

Забрав у Эмми пальто, я подошел к стойке регистратуры. Мне без труда удалось выяснить, где находится кабинет педиатра. Мы направились на прием и после получасового ожидания попали в кабинет к доктору Глухареву Анатолию Александровичу (так было написано на двери). Перед нами сидел молодой мужчина, на вид не больше тридцати, у него была теплая, располагающая улыбка, и я сразу почувствовал к нему симпатию, тем более что он не стал придиричиво рассматривать Амаранту, как это делало большинство встреченных нами мужчин.

– Анатолий Александрович? – обратилась Эмми к врачу чарующим, способным ввести в транс голосом, и нежно улыбнулась.

Конечно, бедняга врач не устоял перед такой массирующей атакой. Он судорожно поправил галстук, шумно сглотнул и хрипло ответил:

– Анатолия Александровича сегодня нет, – он виновато посмотрел на Эмми, будто извиняясь перед ней за отсутствие Глухарева.

– А вы? – встрял я, заметив, что доктор вполне серьезно вознамерился впасть в ступор.

– Сергей, – чересчур поспешно ответил он, но, спохватившись, добавил уже более суровым тоном, – Михайлович. Сегодня на приеме я.

– Очень приятно, – грациозно опустившись на стул, пропела моя искусительница. В мастерстве соблазнения ей, как, впрочем, и остальным вампирам, не было равных. Похоже, именно это искусство Эмми собиралась применить, считая, что так мы сможем добиться от доктора куда более откровенных ответов, но я видел, что еще немного – и он замолчит навсегда.

– Мы с женой, – делая упор на последнем слове, обратился я к молодому врачу, – хотим завести ребенка. Но мы недавно в вашем городе и уже наслушались ужасных историй про какое-то местное неизлечимое заболевание.

– Это нас безмерно пугает, – Эмми обратилась к Сергею доверительным шепотом с явными томными нотками, – и мы бы хотели получить консультацию врача на этот счет, – к словам она присовокупила глубокий вздох, заставивший её грудь приподняться, из-за чего и без того плотно облегающая блузка сделалась откровенно тесной. Ткань натянулась, из последних сил сдерживая напор. Даже мне стало жарко, и я был вынужден расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки. Каково же приходилось бедняге, на которого была направлена вся сила оболыщения этого безупречного существа?

– Боюсь, я не могу разглашать эту информацию, – чуть не плача, ответил доктор.

– Понимаю, – Эмми выглядела удрученной. Но уже через секунду она неожиданно подалась вперед и наклонилась над столом, выставив на обозрение Сергея глубокий вырез белой блузки, и интимным голосом добавила, – но мы же никому об этом не скажем. Это будет нашим маленьким секретом.

Бедняга в ужасе перевел взгляд на меня, ища поддержки, но я остался глух к его страданиям, и он сдался:

– Что бы вы хотели узнать?

Эмми мельком посмотрела в мою сторону, давая понять, что настала моя очередь вступить в разговор.

– Просто расскажите нам о болезни детей, которая так распространена в вашем городе, – по-деловому начал я. – Ею болеет определенная категория детей, или это не имеет значения? Можно ли её выявить на ранних стадиях? Каковы симптомы? Ну и так далее, – пока врач не опомнился, я обрушил на него шквал вопросов.

– Болезнь носит название синдром Глухарева, – степенно отвечал Сергей, а я отметил про себя, что это имя врача, которому принадлежит кабинет. – Впервые Анатолий Александрович выявил её сорок лет назад. Это генетическое заболевание, связанное с изменениями в хромосомах. Его нельзя распознать до тех пор, пока не начинают проявляться симптомы, – мы с Эмми слушали, не перебивая, так как боялись, что поток откровений молодого врача может внезапно иссякнуть. – Первые симптомы появляются года в три-четыре, до этого дети абсолютно нормальны. Физически это проявляется в анемии и затрудненном пищеварении. Дети часто отказывают от обычной пищи, предпочитая только богатые красными кровяными тельцами продукты. Например, печенку, говяжий язык, сердце. При этом они едят их в сыром виде. Есть еще и психологический аспект болезни. И он намного опаснее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.